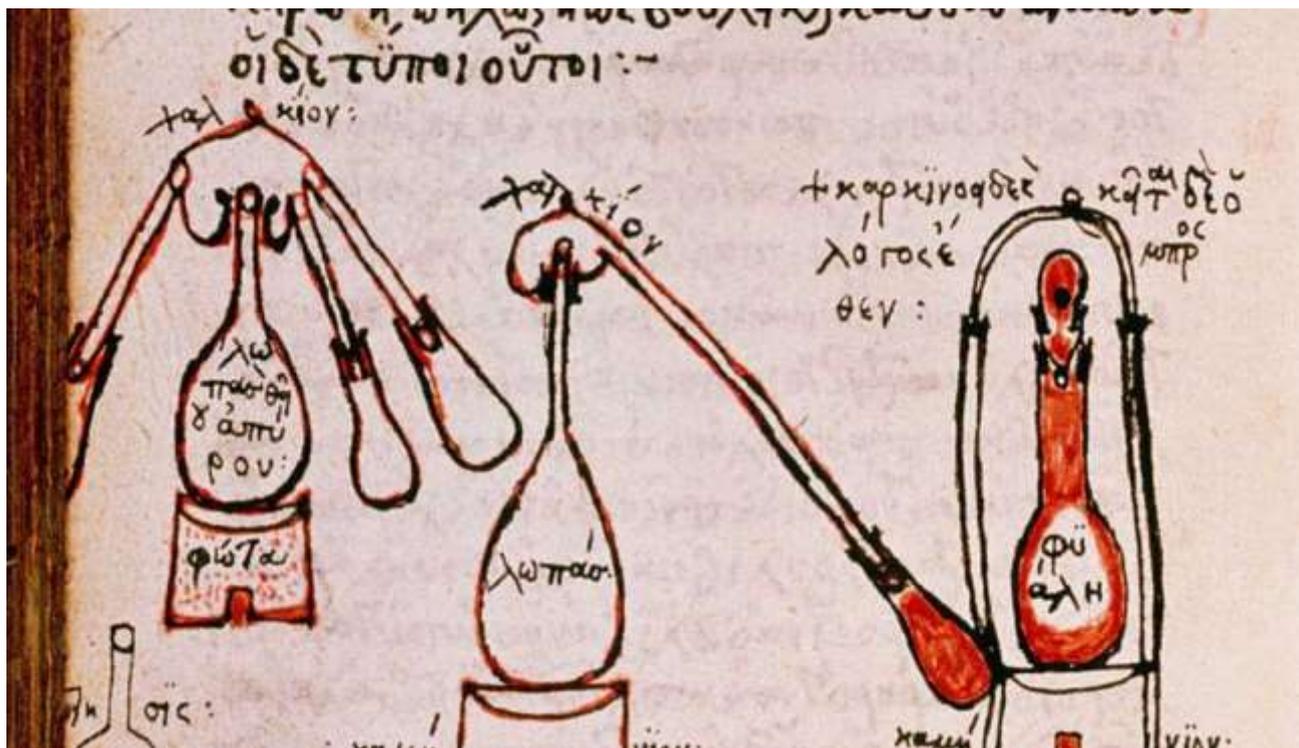

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ РАСТВОРИТЕЛЬ, АЛКАГЕСТ, ЕГО ПРОИЗВОДСТВО И ЕГО МИСТИКА

Поговорим немного об алхимии.

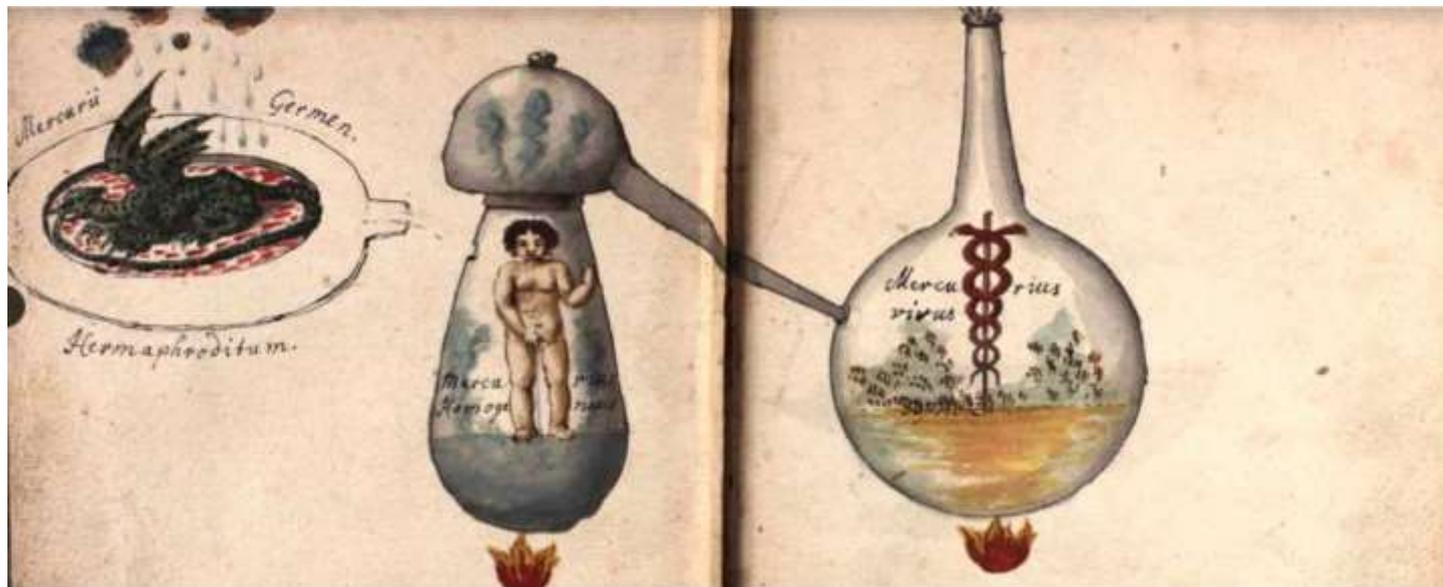
Некоторое время назад один хороший друг сообщил мне, как разработать, по его мнению, то, что известно алхимикам как **Универсальный Растворитель** (*Алкахест*). Как он мне сказал, ему нужно было только заявить плодородную и влажную землю, перегнать при высоких температурах и получить *прозрачную Воду*, способную извлекать краску из любого металла (или восстанавливать ее до первого солевого вещества).

Для тех, кто не в теме, **Алкахест** был сущностью, которую так жаждали и искали алхимики в древние времена. У них были настоящие головные боли, пытаюсь выяснить, как был сделан этот материал. То, что они говорили и настаивали, **не было кислотой**.

известный [Ван Гельмонт](#), врач, химик — и предполагаемый свидетель живой трансмутации, как говорят хроники, — пытался сделать его из мочи. И он предоставляет метод, который является несколько загадочным. Однако, проанализировав его и благодаря помощи итальянского друга, я смог узнать точную процедуру.

Теперь для многих алхимиков иллюстрированный текст, известный как **Cábala Mineralis**, будет отражать процедуру извлечения из обычной земли упомянутого **универсального растворителя** или **алкагеста**. Кстати, название **Алкагест**, которое придумал [Парацельс](#), (да-да, тот самый, который сделал гомункулов из спермы), но который применил ее для лекарства от печени и не в том смысле, в каком ее дал бы **Ван Гельмонт**, а вместе с ней и сотни более поздних алхимиков.

Предполагается, что *Cábala Mineralis* принадлежит автору Симеону Бен Кантара и датируется 17 веком, временем великих открытий в области дистилляции. Арабское влияние покорило алхимию с ее знаменитыми перегонными кубами. Поэтому не странно найти в той книжечке такой образ:

Ясно, что дистилляция чего-то была обычным явлением, и этим чем-то, согласно *Cabala Mineralis*, была земля, поэтому на первой гравюре рисунок алхимика с указательным пальцем, направленным именно на землю, отвечает за ее указание. вне:

Алхимик настаивает на том, чтобы указать землю, землю и рядом с ней участок земли, на котором прорастает маленькое растение, указывающее на его плодородие: вот почему растение растет, если бы оно не было

плодородным, оно бы этого не сделало.

Моча алхимика, которая «плавает» рядом с ним, **подкрепляет эту мысль** и напоминает нам, что вблизи деревьев мочатся все животные (в том числе и люди): [что обеспечивает некоторую плодovitость](#). Давно известно, что моча является хорошим удобрением из-за содержащихся в ней солей, поэтому эта идея далеко не нова.

Поэтому «у подножия старого дуба», как сказали бы старые алхимики, бежит маленький источник нашей ртутной воды: мочи. Изображение плодородия. Что дает плодородие и жизнь.

(Некоторые думают, что алхимик, плавающий в воздухе и мочащийся, намекает на содержащуюся в воздухе летучую соль, **нитрит аммония**, который образуется в результате испарения в определенные ночи. Я не исключаю этого.)

И это та земля, которую мы должны использовать, согласно рассуждениям алхимиков, для этой практики. Потому что это самое подходящее.

Но читая больше текстов по алхимии, я нашел рецепт, заявленный не кем иным, как знаменитым **Рамоном Лулио**. Я разделяю их:

ВОДА, КОТОРАЯ ПРОКАЛЯЕТ ВСЕ ТЕЛА

«Возьмите семена капитальных субстанций: земли, то есть пять с половиной унций; и воды, то есть две с половиной унции, сумма которых будет равна весу, эквивалентному восьми унциям фунта, и вы должны тонко размолоть это соединение в мраморной мельнице. После этого поместите массу в стеклянный сосуд, прикрепленный к перегонному кубу, в котором перегоните все вещество сначала на медленном огне, с распиленными надвое дровами, с двумя фунтами мелкого или обыкновенного угля и с мало сухих отрубей.. Затем зажгите огонь и отвергните все, что отныне загорается само собой, пока масса не начнет перегоняться, и с этого момента вы будете поддерживать огонь постоянным до двенадцатого пункта, в котором вы будете раздувать огонь небольшими поленьями, чтобы пламя стоит прямо под материей; и так поддерживайте огонь, пока он не утихнет до двенадцатой или пятнадцатой точки или до меньшей точки. И тогда ты будешь держать огонь компактным, и ты будешь поддерживать его в соответствии с точкой его перегонки, а позже ты снова поднимешь огонь до более высокой точки, которую ты будешь держать постоянной, пока перегонный куб не потеряет своего тепла и не перегонится. больше материи. К тому времени не дайте ему остыть, соберите воду и храните ее в теплом и влажном месте, убедившись, что она никоим образом не может соприкоснуться с воздухом. И не забудьте про вентиль в крайней керамической части перегонного куба, в горловине сосуда, чтобы можно было время от времени извлекать через него то, что не оставляет в емкости отдушины. Ну, иногда там накапливается так много тепла, что контейнер не выдерживает этого чрезмерного тепла. Поэтому, когда это уместно, откройте его, когда нет, закройте. Имейте в виду, что вода, которую вы собрали, происходящая из мерзкой материи, имеет силу превращать тела в соответствующую им первоначальную материю, которая вместе с растительной добродетелью порождает многие совершенства, вплоть до того, что после дистилляции она необходимо

привести в действие, чтобы его дух, который имеет тонкую и странную природу, не погибал в воздухе, если предположить, что он в полной степени получен путем перегонки».

Так правда ли, что так называемый **универсальный растворитель** делается из самой земли?

Если что-то еще нужно, так как немедленная помощь всегда есть [Изумрудная табличка](#), апокрифический текст, приписываемый Гермесу, греческой копии египетского бога. [Тот](#), но чье происхождение не так уж и далеко (**650 г. н.э.**):

Его отец — Солнце, а мать — Луна. Ветер носит его в животе. Его кормилица - Земля.

Конечно, если в **Таблице** сказано, что нянька есть земля, того, что надо удалить, то сомнений больше не много. Кажется, это даже намекает на дистилляцию, когда мы читаем:

Отделяйте Огненную Землю, тонкое от грубого, но будьте благоразумны и осмотрительны, когда делаете это.

Разделение производилось с помощью искусства дистилляции. И «Огонь» был этим растворителем или Алкаестом.

Так что не странно думать, что то, что тот друг сказал мне вначале о перегонке участка земли при высоких температурах, действительно сработало.

ВОДА ЗЕМЛИ

Теперь, углубившись в древние тексты, я нашел книжечку **Химия в применении к искусствам**, которая не имеет ничего общего с алхимией, а представляет собой серьезные и полностью раскрытые труды, где сказано следующее:

Двадцать пять фунтов (1 1/4 кг) соли и 50 фунтов (2 1/2 кг) земли никогда не производили более 10–15 фунтов (6–7 кг) кислоты при 18 градусах.

То есть с помощью **обыкновенной земли** и небольшого количества **поваренной соли** была получена, если мы

продолжим читать этот текст, **соляная кислота** , которая есть не что иное, как **соляная кислота**.

Эта операция показывает, что из небольшого количества земли и соли получается **соляная кислота** . И это очевидно: указанная кислота происходит от **поваренной соли** .

Самый древний из известных кустарных способов – это именно тот, о котором мы говорим. Моча может даже дать соль, если ее не хватает самой земле. Именно хлор, а также аммиак, аромат которого, как уверяют многие алхимики, обладает вышеупомянутым универсальным растворителем. И я свидетельствую, что это так, что он пахнет аммиаком очень пронзительно. Я держу его в руках прямо сейчас, когда пишу это, и я предлагаю его любому химику, который хочет проанализировать, что это такое.

Когда он касается металла, в данном случае меди, он окрашивается в синий цвет без тепла и насилия, вот так:

ЗОЛОТО И КИСЛОТА

Кое-что нужно уточнить: 24-каратное золото никогда не растворится в **соляной кислоте** . Это потому, что единственная кислота, способная разбавить золото и превратить его в соль или хлорид, — это **царская водка** , состоящая из 3 частей *соляной кислоты* и 1 части *азотной кислоты* .

Кажется, этот алкаест атакует золото и серебро, благородные металлы, но не так быстро, как другие металлы. На самом деле, это требует своего времени, и удобно сделать трюк, чтобы улучшить его. Но это странно, потому что только царская водка, которую я знаю, атакует золото. По возможности смесь с перекисью водорода. Но реакция всегда бурная.

Теперь о перегонке обычной земли с щепоткой соли мы видим в древнем тексте, известном как **Rosarium Philosophorum**, в котором говорится следующее:

Живое серебро — поваренная соль. Вот почему в *Розарии* сказано: «Поваренная соль растворяет золото и серебро, усиливает красноту золота и белизну серебра, заставляет сталь переходить из состояния тела в состояние духа и вместе с этим сжигает тела.» Откуда *Свет Светов'*. Если бы всемогущий Бог не создал эту соль, эликсир не был бы готов, и изучение алхимии было бы напрасным.

Обыкновенная соль...

И того же мнения придерживается средневековый алхимик, известный как **Николя Валуа**, опубликовавший в 1445 году работу под названием «**Пять книг**», где он заявляет то же самое:

хорошо: «философы говорят, что наша материя есть чистая соль. Соль встречается повсюду. Дух соли растворяет золото, следовательно, наша ртуть — поваренная соль», — ответили вы плевелам: «Философы верно говорят, что наша первая материя — это соль, но их слова имеют несколько объяснений. И хотя в *Работе* есть несколько солей, я имею в виду несколько режимов, тем не менее я считаю, что нашим первым предметом является чистая соль, которая повсеместно встречается на земле».

А если добавить поваренную соль, согласно селитровому наставлению традиционной химии, то получится соляная кислота, то? Возможно, это комплекс, на который стоит обратить внимание.

Метод следующий:

сж фото

При не столь сильном нагреве, но достаточном для того, чтобы жидкость периодически капала в аукционер путем перегонки, получается растворитель с весьма специфическим ароматом, который, если его несколько раз перегнать (на жаргоне называется ректифицировать), вы получаете довольно нейтральный растворитель, не кислоту, которая отвечает за растворение металлов, а довольно щелочной способ, как это обычно делает аммиак:

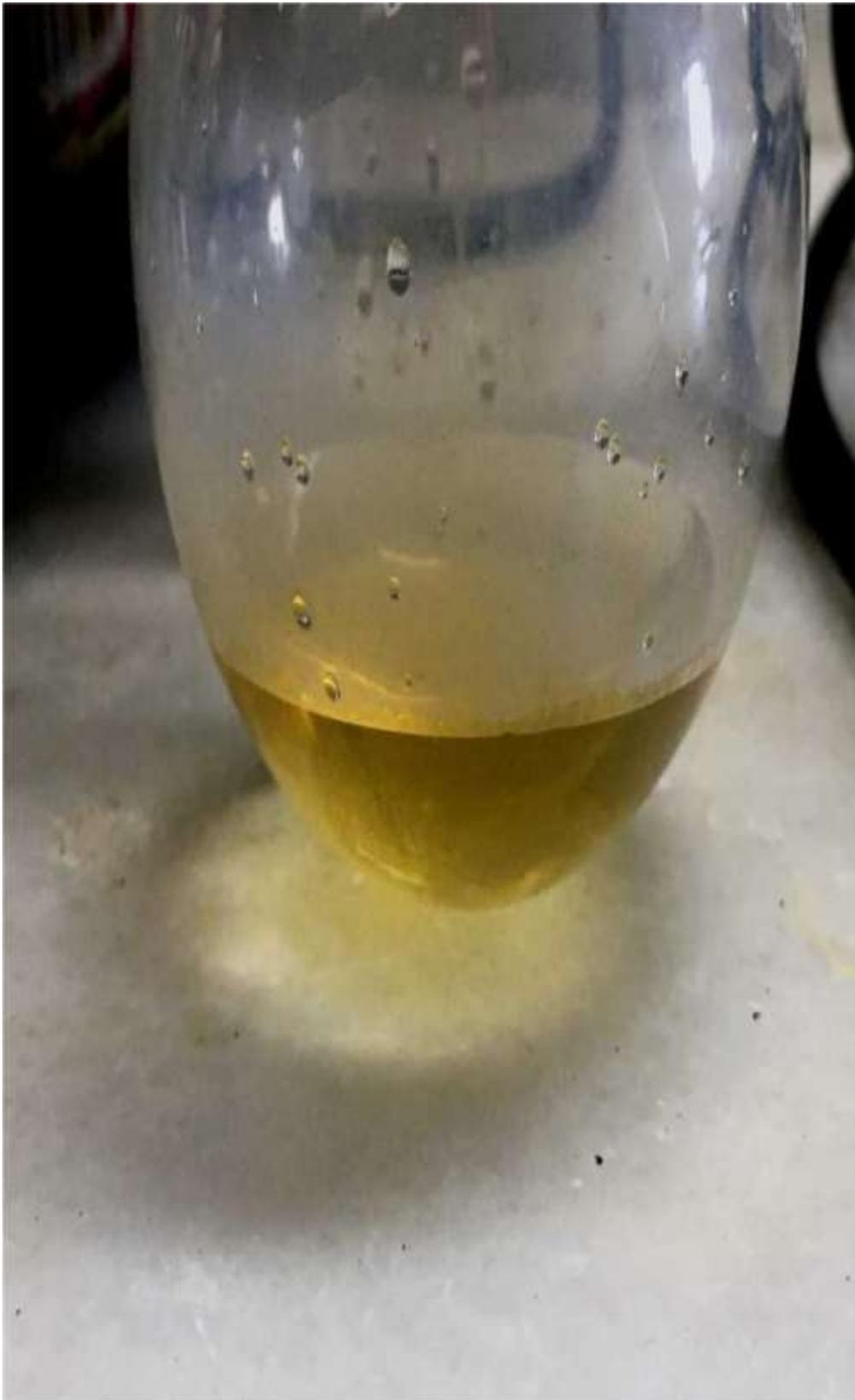

Фото: СЖ

Этот растворитель (который должен быть ректифицирован 4 раза, чтобы заставить его работать) при смешивании, например, с медью и повышении его температуры имеет тенденцию становиться щелочным и проявлять коррозионные свойства по отношению к металлу, как мы видели на предыдущих изображениях или здесь, например:

Многие алхимики убеждены, что это поистине философский и алхимический способ разработки **Растворителя (Алкаэста)** и сведения металлов к их первоначальной сущности. Я им не противоречу. Форма растворения, как мы видели, плавная и последовательная.

Результатом является ретроградация металла до его минерального состояния.

Преимущество, по мнению алхимиков, в том, что этот раствор можно пить. Он не вреден для человека, потому что он щелочной, а не кислый.

Некоторые алхимики могут принимать эту минеральную настойку и иметь полезные органические последствия.

Я предлагаю вам не пить его: существует много суеверий с минералами и металлами и их полезными свойствами, и если они не приготовлены должным образом, мы можем пить токсичные вещества, которые в конечном итоге навредят нам.

Это наследие **Парацельса**, который был убежден, что их можно потреблять, и создал вокруг этого школу. Лучше пусть профессиональный химик проанализирует, что это за штука. Я сделал это, следуя концепциям древних текстов, как научная диковинка.

Не для потребления!

РЕЗЮМЕ

В древние времена существовало почти навязчивое стремление растворять металлы. В частности, благородные металлы, такие как золото или серебро. Для этого, как я уже упоминал, были изготовлены универсальные растворители или алкагесты.

Идея заключалась в том, чтобы, как и в яблоке, удалить внешнюю часть и оставить косточку. Затем посадите его и получите плод вечной жизни.

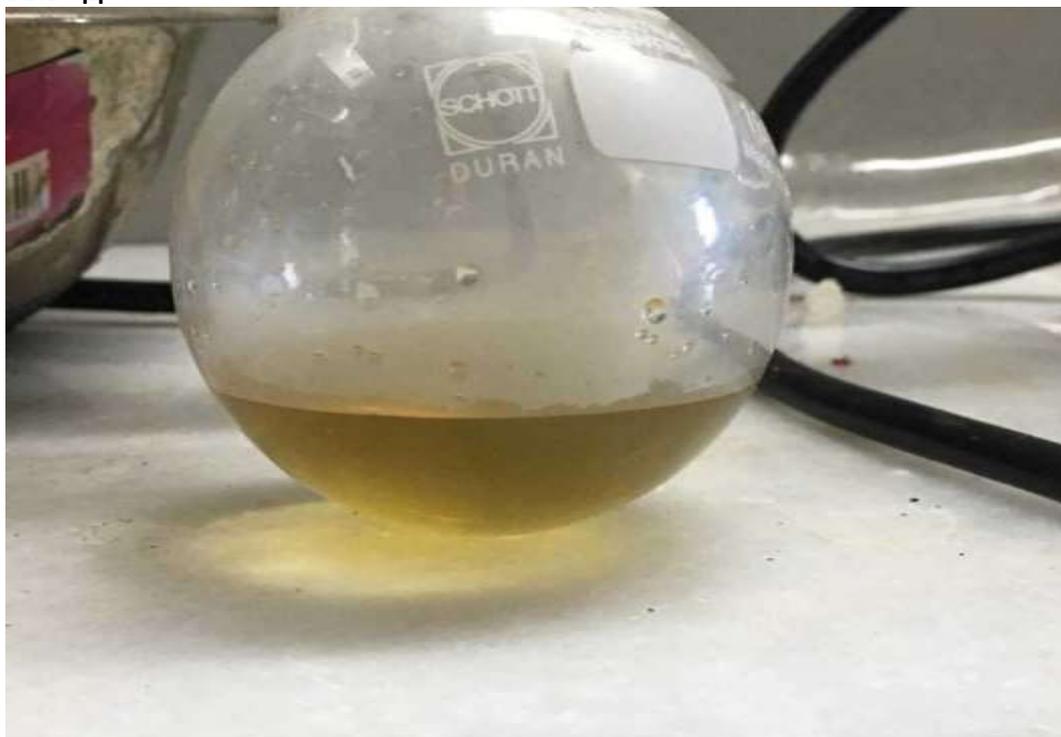
В том, что в земле есть соль, уже не осталось сомнений у тех, кто следил за нитью этого доклада. На самом деле, древние *шиноби* использовали технику поиска следов хлорида натрия в земле, чтобы увидеть, не проходили ли там люди или животные. Но не только поваренная соль, но и многие соли спасают землю (нитраты и нитриты).

Итак, обычная земля и щепотка соли позволяют путем бурной перегонки получить кислоту, в которой преобладает в основном хлор.

Но если его перегнать другим, более «философским» способом, то получится потенциально щелочная нейтральная жидкость.

Это — и простите меня за настойчивость — было известно столетия назад и было открыто открыто многими алхимиками, такими как **Лулио** и **Виланова**, потому что они никогда не считали это чем-то трансцендентным.

ВЫВОД

Я не говорю, что неправильно делать так **называемый алкаест** только из земли или из земли и щепотки соли. Но будь осторожен.

Гораздо проще сделать это, как указывает **Ван Гельмонт**, с мочой. Ведь в ней содержится искомый принцип. И

недаром в прошлом многие алхимики производили перегонку мочи, открывая фосфор, так как думали, что это приведет их к мифическому **философскому камню**.

Но наверняка современный химик посмеялся бы над всеми этими опытами. Потому что, если смешать лимонную кислоту, нашатырный спирт и уксус, получится растворитель для металлов, который образует комплексы по-другому, «рассекая» металл глубже.

Лимонная кислота, например, придает золоту коллоидную форму (метод **Туркевича**), а при растворении в простой кислоте оно остается металлическим.

То же самое относится и к меди с аммиаком: или к окалине (карбонату калия) к железу. Они могут даже обладать некоторыми лечебными свойствами, если коллоид очень мелкий. Но это не алхимия, и сегодня легче извлечь коллоидное золото электролизом, чем этими средневековыми растворителями.

Мой совет: не приступайте к экспериментам, если вы не знаете, что вы с ними ищете, и, прежде всего, **НИКОГДА НЕ ПОТРЕБЛЯЙТЕ ИХ** без предварительного анализа того, что вы получили.

Я знаю, что многие современные алхимики каждый год умирают со своими «эликсирами», убежденные, что достигли панацеи. И получили только яды.

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ НАХОДИТСЯ БОЛЕЕ 2000 ЛЕТ

Именно эта желтоватая жидкость напоминает нам о *питьевом золоте*, которое было найдено в бронзовом горшке возрастом около 2000 лет. Дело вовсе не в вине, как думалось изначально. На самом деле, говорят археологи, это настоящий эликсир бессмертия.

Находка принадлежит гробнице знатной семьи в провинции Хэнань в центральном Китае и относится ко времени династии Западная Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.). Среди прочего, они нашли очень хорошо сохранившиеся останки дворянина, глиняные горшки, материалы из нефрита и бронзы, а также лампу в форме гуся.

В котелке было 3,5 литра этой загадочной жидкости, источавшей очень сильный запах спирта. Поначалу этот аромат наводил их на мысли о каком-то алкогольном напитке, например о вине, поскольку он согласовывался с другими открытиями того же периода.

В то время вино изготавливали из риса и зерен сорго и широко использовали в ритуальных жертвоприношениях.

Но как [Как отмечает информгентство](#), анализ в лаборатории показал, что дело было не в вине. Жидкость в основном состоит из нитрата калия и [алунит](#), основные ингредиенты **жизнеутверждающего эликсира, описанные в древних даосских текстах.**

« Эти мифические лекарства бессмертия были найдены в Китае впервые », — сказал Синьхуа Ши Цзячжэнь, директор Лоянского института культурных реликвий и археологии. « Жидкость представляет большую ценность для изучения древнекитайских мыслей о достижении бессмертия и эволюции китайской цивилизации ».

Конечно, априори считается, что такие дела ни к чему привести не могут. И скептицизм в СМИ вырос. Если нитрат калия даже в высоких дозах несет риски, если он является удобрением, если его используют для обработки мяса или для фейерверков, то же самое верно и для алунита, из которого делают квасцы ([нитрат калия](#) Д [алунит](#)) Как такие материалы можно использовать для изготовления Эликсира?

Но это потому, что никто в СМИ не читал классические тексты по алхимии. В нескольких намеках на такие вопросы ...

О КИТАЙСКОМ ЭЛИКСИРЕ И ЕГО СОСТАВЕ

Много лет назад один алхимик написал мне, что, читая Альберто Маньо в его «**Соединении соединений**», затем Луллия в его «**Клавикуле**» и, наконец, Артефио в его «**Тайной книге**», он произвел своего рода растворитель, который он назвал *Aqua Ignis* или *Foul . Менструации*.

Ему не нужно было много температуры или чего-то особенного.

Я помню ваши фотографии, к которым, к сожалению, электронная почта Hotmail уже не позволяет мне получить доступ.

Но материалы были помещены в сухом виде в камеру Эрленмейера с выпускной трубкой и на слабом огне. Он ввел **квасцы**, **нитросоль (нитрат калия)** и **купорос (сульфат железа)**.

При слабом нагреве первое, что произошло, это обычная вода, а затем, когда материалы расплавились, тепло увеличилось, пока не начала выделяться столь желанная жидкость, которая сопровождалась выделением оранжевых и коричневых газов.

Это прекратилось с операцией, когда материя в Эрленмейере почернела.

Но в приемнике у него была заветная *Аква Игнис*, прозрачная, чистая, с очень слабым голубоватым оттенком, указывающим на его небесное достоинство. Такая окраска со временем теряется и на это указывают вышеупомянутые договоры.

Вместе с этим *Агуа Игнис* он положил вульгарное серебро и полностью растворил его на водяной бане.

Через 24 часа он профильтровал раствор и вставил медную проволоку, и чистая Луна начала выпадать в осадок в виде сначала несколько черной пыли, а затем побелела.

Это то, что многие алхимики считают *Луной Кэлом*.

И, согласно трактатам, из которых этот алхимик черпал свои знания — которые я поместил здесь ниже, чтобы каждый мог прочитать — это соответствовало бы растворению этой *лунной извести* с большим количеством *aqua ignis* для последующего извлечения *Ртуты Философов* или *Живого Серебра*.

ВЫВОД

Этот алхимик рискнул проверить цитируемых авторов. Таким образом, он разработал необычный Растворитель. Гнилые менструации Луллия, или *Наша вода или уксус с гор* . *Сверхъестественный огонь* Артефио . *Первая вода философов или Растворитель Луны* Альберто Маньо.

Весьма вероятно, что открытие в Китае является своего рода растворителем. Тем более, если породившие его материалы все еще присутствуют в его составе, спустя 2000 лет.

ROSICROSSES И AIR NITRUM

[Как мы видели](#) , когда идеи о **воздушном нитру** , или соли мудрецов, вырвались из руки **Сендивогия** , в то же время [«металлические идеи»](#) как фундаментальная составляющая **философского камня**.

Именно отсутствие конкретных результатов алхимиков заставляет нас пересматривать концепции и предлагать новые концепции (или интерпретации) того, какой должна быть Великая Работа.

В связи с этим стоит упомянуть знаменитый **Болонский камень** , материал, способный раскаляться в темноте после обработки с определенным искусством. Техникой овладели немногие, и хотя она была подробно изложена в учебниках, без привычного витиеватого и загадочного языка алхимиков, но обнажённой во всей её наготе, мало кому удалось её изготовить, среди них, конечно же, наш любимый [Хомберг, «Индиана Джонс из химиков»](#).

Это обнажает, что даже зная процедуру и имея планы на нее, если не учиться, наблюдая, как это делается, трудно добиться результата.

Итак, у этих двух аспектов алхимии — **металлического или ртутного и воздушного нитрума** — были свои работники и свои защитники. Большинство ученых и опытных химиков из-за их видимых и ощутимых результатов сосредоточились на металлических путях.

Будучи самыми скромными и скромными, они посвятили себя работе с более натуральными материалами. Это были те, кто чувствовал огромную близость к простым вещам, которые могла предложить природа, и кто верил, что секрет кроется в простоте.

Любопытный случай произошел с **Томасом Воганом** , родившимся в Уэльсе в 1622 году, он же **Эудженио Филалетео** : он был защитником сендивогианских идей, но в конце своей жизни, похоже, его потянуло к металлическим рельсам, так как говорят, что он **умер от случайного вдоха. ртути**.

Однако это не помешало ему писать как адепту, как тому, кто достиг **философского камня** , во многих своих текстах по этому вопросу, таких как **«Раскрытое герметическое искусство»** . Сколько алхимиков последовало за ним, несмотря на то, что он так и не достиг того, о чем говорит в своих книгах? Сколько времени потратят на разгадывание его символов и аллегорий?

И как и он, сколько рукописей, написанных алхимиками, претендующими на определенный авторитет, представляют собой не что иное, как идеи или желания, еще незаконченные, но покрытые воздухом *адепта* ?

Михат Сёдзивой, также известный как Сендивогиус

Это почти всегда происходило с алхимиками, практикующими естественные пути. Они были более духовными, более симбиозными с красотой природы и, **следовательно, менее критичными к своим результатам**. Они во всем видели волшебство.

От них мы унаследовали представление о сборе росы в полнолуние, когда подходящей датой для алхимической работы была весна, когда ключевой точкой для операций была планировка северной зоны (это было связано с тем, что средневековые картографы связывали этот район как обитель Рая)

Примечательно, что большинство работ, посвященных природным материалам, как правило, в подавляющем большинстве подписаны анонимными алхимиками.

В этом порядке идей у нас есть **Учение о Солнечном Древе**, **Mutus Liber**, **Герметических Рекреациях** (копия «Разоблаченного Гермеса» Килиани, которая объясняет металлическую, но адаптированную к естественному пути и в соответствии с Сендивогиусом).

Итак, алхимик, работавший с **воздушным нитрумом**, понимал алхимию как универалистский процесс, соответствующий аристотелевским идеям, поэтому анонимный автор «**Герметических рекреаций**» упоминает греческого философа.

Алхимик, работавший с **воздушным нитрумом**, думал, что дело может быть в **Философском камне**, потому что, в конце концов, он видел его действие в природе: «*Нитрит аммония является частью природы в воздухе*», — говорит [Википедия](#), и с этим мы видим, до какой степени сегодня **вокспопулят** то, что в прошлом было загадкой.

Если нитрит возродил прекрасную и величественную природу, то почему бы ему не сделать то же самое с человеком? Если это была универсальная соль, лежащая в основе всех вещей, как это вдохновлено аристотелевской философией и как упоминает автор «**Золотой цепи**» Гомера, то почему бы не использовать этот материал для проведения алхимической работы?

И вот сотни художников искали его росу ранним весенним утром, перегнивали его в дубовых бочках, добывали его соли, и этим думали, что нашли выход из лабиринта.

БРАТЯ «ВАРЕННОЙ ПОСЫ»: ROSICROSSES

Параллельно с этими движениями в 1614 году стали распространяться слухи об **Ордене розенкрейцеров**. Но основатели, вопреки тому, что считалось, **не имели устойчивого представления об алхимии**. На самом деле он ничего не знал.

Дэниел Моглинг

И все же орден начинает привлекать в свои ряды настоящих алхимиков, таких как **Майкл Майер** и **Даниэль Моглинг**.

Именно последний пишет трактат, известный как [*Speculum Sopicum Rhodostauroticum*](#) (*Зеркало Мудрости Розенкрейцеров*) в 1618 году. Этот человек умрет в возрасте 39 лет, но оставит нам эту серию гравюр, сопровождаемую соответствующим текстом, где будут раскрыты механизмы Великого Делания.

Как многие знают, именно на этой гравюре я сосредоточил свои исследования относительно того, что я назвал **Парергоном** (это название не мое изобретение, как я уже неоднократно упоминал, а изобретение розенкрейцеров).

Итак, издание **Confessio Fraternalitatis**, изданное в Касселе в 1615 г., анонимное, но приписываемое **Иоганну Валентину Андреа** (1586–1654), и «**Химическая свадьба Христиана Розенкрейца**», опубликованное в 1616 г. и приписываемое **Фрэнсису Бэкону**, были двумя текстами, которые потрясли Европу для тех, кто годы.

Но ни один из этих текстов не касался действующей алхимии, а касался мистического выражения и преобразования человека с использованием множества аллегорий и символического языка.

Итак, на сцене появился в 1710 году алхимик, известный как **Синсер Ренат**, псевдоним **Самуэля Рихтера**, опубликовавший в Бреслау (Германия) труд явно алхимического содержания, известный как **«Истинное и полное приготовление философского камня» Братства Орден Розы и Креста в золоте**.

Чтобы придать содержанию большую загадочность, **Рихтер** упоминает в предисловии, что его работа не является оригинальной, а основана на старой рукописи, написанной **«мастером искусств»**, личность которого останется анонимной.

В 1785 году была опубликована еще одна небольшая работа: **«Тайные символы розенкрейцеров»**. Эта работа состояла из множества рисунков и репродукций алхимических и эзотерических гравюр, и некоторые авторы считают ее самой важной розенкрейцеровской работой, опубликованной после трех манифестов 17 века.

В 1842 году появляется **Занони**, написанный рукой сэра **Эдварда Бульвер-Литтона** (1803-1873), где он повествует о приключениях двух алхимиков-розенкрейцеров, владеющих эликсиром вечной жизни, **Занони** и **Мейнура**. И в ней рассказывается, как пока один становится заметным в обществе, другой оберегает отшельника в своем доме от всех человеческих драм. Произведение, которое вдохновило бы авторов **Фулканелли**, без сомнения, и те представления о мистической алхимии, которые **Канселье передаст** в прологе к произведению.

Но вернемся к алхимику **Даниэлю Моглингу**.

Его упомянутая работа ([Speculum Sopicum Rhodostauroticum](#)) имеет много подходов. В моей личной интерпретации я решил сосредоточиться на одном. Но есть и те, кто видит в гравюрах, особенно в этой, которую я опубликовал выше, приближение к **философские магниты**, то есть соли с гигроскопической способностью притягивать влагу из воздуха, которая, теоретически и в правильные сроки, могла бы забеременеть тем, что древние называли **Универсальным Духом**.

И это из-за того старого усилия алхимика, у которого была навязчивая идея, что долгожданная «материя», из которой состоит **Философский камень, находится в воздухе**.

Но, вероятно, **Сендивогий** лучше определил, зачем ему нужна была эта материя воздуха, когда он упоминает, что **« наш камень — это соль, а наша соль — девственная земля »** (девственная земля образуется при брожении росы), почти приводя нас к идее этой соли, взятой из воздуха, должна только покраснеть через медленное эхо, и наш *Lapis Philosophorum* готов.

И все же он упоминает и о другом: об использовании растворителя, который он называет **Водой**, захваченной **волшебной сталью**, и **извлеченной из лучей солнца и луны**, способной сгнить, а не раствориться, солнечный плод, то есть, **чистое золото**. Этот последний вариант приводит нас к работе **Николя Валуа** много веков назад, где он также сосредоточился на том же самом: **получить жидкость, способную восстанавливать металл до его первого материала**, в качестве основного объекта его поисков.

Жидкость мы уже видели, [в этом видео](#), какое у тебя происхождение. Но в случае Сендивогия это нечто иное, это жидкость, способная гнить металл, а не растворять его, потому что философ понимал ее как единственный способ освободить металл от его сущности, скрытой в нем, через гниение.

Знание того, что это за жидкость, возвращает нас к розенкрейцерам, но я думаю, что этого достаточно для этого поста.

СЕРА ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Алхимики поспешили сказать, что **их Сульфур не был вульгарным, а тот**, с которым они работали, был философским. Итак, взгляд был отвлечен от минерала, известного как сера.

Что ж, принимая за достоверные описания Камня из тех исторических хроник трансмутаций, если присмотреться, то они очень напоминают **Sulphur**.

«Тесто было стекловидное, серно-желтого цвета и немного пористое по бокам». (Гельвеций)

«На бумаге был тяжелый жирный порошок. У него был определенный лимонно-желтый цвет» (Александр Сетон, The Cosmopolitan).

Итак, Sulphur, в ее технических описаниях, мы находим, что она «лимонно-желтая», «кристаллизуется в виде ромбов», «твердость 2 по шкале Мооса», «плавится при 115 °С».

Другими словами, он соответствует цвету, который является кристаллическим, легко наносится распылением и плавится при небольшом нагреве.

У серы есть и почти волшебная особенность: если ее расплавить при 200 °С и вылить в замороженную воду, то при термическом ударе образуется каучук, напоминающий змей, а если оставить на воздухе, то они кристаллизуются в ромбической системе, превращаясь в пластик, со временем восстанавливает свои первоначальные свойства (24 часа по нашему опыту).

Это самое близкое к алхимическому уроборосу, что мы можем найти: змеи, которые возвращаются к тому, чем они были раньше.

В остальном Sulphur = Zeio = Zeus, по-гречески означает чудесный, сверхъестественный. А Гомер еще в четвертом веке до нашей эры рекомендовал избегать эпидемий путем сжигания серы.

Это возвращает нас к El Cosmopolita: **«Мудрый человек находит наш камень в уборной»**.

Возможно, не именно отхожие места как сырье, как отвратительно применяют многие алхимики (**Хомберг** делал опыты с экскрементами), а только тот участок, где сжигали серу для удаления дурных запахов.

Мудрец нашел его материю по запаху серы, так как это была сера.

В Средние века существовала связь между Серой и Сатаной. Сера была свидетельством того, что лукавый прошел. Это, очевидно, потому, что самородная сера добывалась в окрестностях вулканов, которые многие считали входом в ад.

Фулканелли говорит о сырье: *«Грубому камню был придан образ дьявола»*.

Пока предоставленные данные как минимум любопытны и значимы.

Но дело продолжается.

Сера, согласно техническим текстам, образуется в массивных звездах, в которых преобладают температуры синтеза, таких как сверхновые звезды. А разве не там, согласно современным теориям, добывали золото?

Фактически, когда мы ищем золото, в Википедии мы находим:

«Это элемент, который был создан благодаря экстремальным условиям в коллапсирующем ядре сверхновой»

.

В остальном, если говорить технически, способ, которым алхимики реинвестировали металл (т. е. возвращали его в минеральное состояние), затронутый промышленностью, заключался в добавлении серы: таким образом они восстанавливали то, что потеряли в литейном производстве.

Это означает, что жизнь, регенерация металла обеспечивается не чем иным, как Вульгарной Серой, **жизненным принципом металлической жизни**. В то же время алхимики всегда отрицали серу, говоря, что *«мы не работаем с обычной серой и ртутью»*.

Они настаивали снова и снова, как будто существовала острая необходимость направить экспериментаторов на другие предметы, кроме основных.

Фулканелли придает латуни и бронзе по-гречески то же значение, что и слову **« сера »**. Намеки на латунь и бронзу рассеяны во многих алхимических трактатах как указание на сырье, с которым нужно работать.

Не только это.

«В царстве серы, — настаивает Cosmopolitan, — есть зеркало, в котором виден весь мир. Тот, кто смотрит в это зеркало, может увидеть и познать три части мудрости всего мира, и таким образом он станет очень мудрым в этих трех царствах, как Аристотель, Авиценна и многие другие, которые, как и остальные мастера, видели в том зеркале, как был создан мир». (De Sulphure, Coloniae, 1616, стр. 65.)

Итак, алхимик **Стюарт Шевалье** говорит нам, что « **Более или менее чистая Сера производит все совершенные и несовершенные металлы в зависимости от степени чистоты, в которой находится эта Сера**».

И добавляет: (...) «*Когда Сера природы не будет в необходимой степени совершенства и хорошо пропитана Универсальным Духом, она не сумеет произвести больше, чем незаконные металлы, минералы и камни вместо золота и Серебряный*».

Этим он снова говорит нам, что Сера жизненно необходима для металлической жизни, и, кроме того, если она «пропитана» **Универсальным Духом** (то есть *нитрилом воздуха*, нитритом аммония), она может производить золото или серебро (если она смешана с ртутью) .).

Это приводит нас к пониманию, возможно, знаменитой трансмутации **Сендивогия** , когда он использует маслянистое вещество «лимонно-желтого» цвета, которое смешивает ртуть со свинцом, а затем запускает свою Камень.

Интересно то, что в трактате « **Химия в применении к искусствам** », не имеющем никакого отношения к алхимии, описывается нечто очень похожее, но с оловом:

ты обрезаешь Это то, что называется массивным золотом 6 ³ мес saico (*jumm muii'.um*).

* В течение долгого времени они использовали химиков для получения *musivo* золота, — 6 мозаичных равных частей государства, серы, ртути и аммиачной соли: но маркиз Буллиос показал, что пропорции серы и *miriate* и предложил следующий метод.

Приготовлен амальгамат 8 унций (0,24575,41-ифиг.) состояния и такого же количества ртути; Для этого нагревают медную ступку и вливают в нее ртуть; когда металл приобрел определенную степень нагрева, на него выливают расплавленное состояние, и этот сплав дробят и дробят до тех пор, пока он не остынет; *entdoces* смешивают с 6 унциями (>835,4 гектограмм) серы и 4 унциями (1,23376 гектограмм) соляной кислоты аммиака; Эту смесь выливают в матрас, ае *repe in arc hado* и заставляют светиться до темно-красного цвета; огонь должен длиться три часа. В матрах образуется губчатое, светлое, желтое, иногда серое *вещество* ; которое называют момичским массивным золотом, когда оно приобрело красивый золотой цвет.

81 вместо того, чтобы положить матры в *хадо да трена*, она становится очень грязной. и сразу поставить на угли. Смесь воспламеняется, и массивная золотая мозаика 6 сублимируется на шейке матры длинными чешуйками красивейшего желтого цвета. По этой причине я вынул его шестигранными весами.

Г-н де Болийон *ясно* дал понять, что продажа и смерть амоцифея не были необходимы для создания мозаичного золота. Восемь унций (2 447 гектограммов) морской соли, осажденной карбонатом соды и смешанной с 4 унциями (1,22376 геттограмма) серы, образовали превосходное золото.

сс3

Назовите **Ammonium Muriate** то, что представляет собой **хлорид аммония** , соль аммония, которая имеет более высокую температуру плавления, чем другие аммонийные соли - бикарбонат, нитрат и т. д. - и поэтому вы можете легко добавить его в смесь. В этой смеси с участием ртути получается своего рода трансмутация: на самом деле делают **музиво золото** , которое из-за своего цвета напоминает золото. **Но это не аутентично.**

В древние времена он мог одурачить многих.

Трансмутация также не осуществляется **Зосимы** , и из которого я уже объяснил, откуда он это взял (т .

[Лейденский папирус](#)) : на самом деле он называет то, что производится , **окрашенным** , но со временем «**окрашенный**» и «**трансмутация**» смешались, став синонимами.

Если мы посмотрим на этот папирус, там также присутствует **сера** :

«Окись кальция, 1,7 грамма. Сера, предварительно измельченная, равное количество. Соедините их в контейнере. Добавьте уксус или мочу молодого человека; затем нагревайте снизу, пока жидкость не станет похожа на кровь. Отфильтруйте осадок и используйте его в чистом виде ».

Если нас интересуют рецепты с серой для хризопеи, то она у нас тоже есть:

«Возьмите живую серу и селитру в равных частях, разотрите их и хорошенько перемешайте. Поместите эту смесь в хорошо замутненную стеклянную кастрюлю и держите ее в течение двух часов на медленном огне, а затем увеличьте огонь, пока не прекратится дым. После выхода дыма пламя через горлышко сосуда поднимается на два-три локтя, а после того, как пламя угасает, на дне остается почти белая и застывшая сера. Выньте его и, взяв указанную фиксированную серу и столько же гармонической соли, действуйте, как в начале, измельчая и смешивая две части. Затем поставьте все на сублимацию. Сначала на слабом огне, потом сильнее, так, чтобы он увеличивался в течение четырех часов. Он удаляет то, что было сублимировано, а также остальное, и включает то, что было сублимировано, с фекалиями, и немедленно повторяет сублимацию еще шесть раз, всегда действуя описанным образом. В конце концов на дне стакана останется сера, ее надо взять и хорошенько растереть. Положи его во влажном месте на мрамор или стакан и он превратится в масло, которого капни две-три капли на расплавленный червяк в тигле, чтобы он стал маслом, и налей на мрамор и он замерзнет. Поместите одну часть этого вещества на пятьдесят частей очищенной ртути, и получится отличное солнце».

ПРАКТИКА CARAVANTIS HISPANI. P. Сульфурис Виви

Эта небольшая работа, предположительно написанная неким «Каравантесом, испанским алхимиком», была собрана в двух сборниках текстов, хорошо известных любителям искусства: «Theatrum Chemicum» и «Verae Alchymiae Artique Metallicae». Здесь мы воспроизводим версию, извлеченную из: Oxford, Bodleian Library. Мисс Эшмол **1408** . XVII век. Фолио 23т.

Но эти методы не только говорят о какой-то трансмутации — или, что более вероятно, окрашивании — серой, мы также находим в «Серном масле » **Джорджа Старки** формулу удивительного эликсира.

История следующая (я перевела ее вчера), которую **Старки спасает от Ван Гельмонта**:

В 1600 году один крестьянин, в обязанности которого входило вести учет поставок провизии для армии, отвечая за большую семью маленьких детей, неспособных передвигаться по собственной воле, сам тогда пятидесятипятiletнего , восьми лет, и был очень чувствителен к заботе и бремени, возложенному на него, чтобы обеспечить детей, пока он мог. Он думал, что если он умрет, его дети будут вынуждены просить свой хлеб от двери к двери. Потом он пришел ко мне в гости и хотел, чтобы я дал ему что-то, чтобы сохранить ему жизнь. Тогда я, будучи молодым человеком, пожалел его печальное состояние и подумал: дым горячей серы, по опыту, очень эффективен в сохранении вин от порчи. Затем, вспомнив эти мысли, я пришел к выводу, что кислый раствор нефти, который состоит из живой серы, может сам содержать этот дым; да, и запах серы есть не что иное, как дым, впитавшийся в ее ртутную соль, и таким образом становится сгущенным духом.

И тогда я подумал: Наша кровь (для нас) есть не что иное, как, так сказать, самое вино нашей жизни, которое, будучи сохраненным, если не продлит жизнь, то, по крайней мере, сохранит ее здоровой от стольких болезней, что родом из коррупции; чтобы жизнь была здоровой, свободной от болезней и

защищенной от болей и невзгод, она могла бы каким-то образом повысить свою оценку жизни. Итак, я обдумал решение: я дал ему стеклянную банку с небольшим количеством этого масла, дистиллированного из серы, и научил его (также), как сделать это самому на случай, если ему понадобится больше позже. Я посоветовал ему принимать по две капли этого ликера перед каждым приемом пищи в маленькую бочку пива и не превышать нормальную дозу, а также не прекращать употребление, предполагая, что две капли этого масла содержат много дыма серы. . Этот человек последовал моему совету, и в этот день, в 1641 году, он похотлив и в добром здравии, безропотно ходит по улицам Брюсселя и, вероятно, имеет больше времени для жизни; и что еще примечательнее: за все это время в сорок один год он не болел. Хотя да, зимой он сломал ногу, уже очень старую, около щиколотки, из-за падения на льду, но при употреблении масла постепенно выздоровел без малейшего признака лихорадки. И хотя в старости бедность довела его до великих лишений и трудностей, нуждаясь во многом для утешения и для достойной жизни, тем не менее здоровье его сохранилось, живет он цел и невредим, трезв и худ. Старика зовут Джон Мосс, и в последний раз, когда я видел его, ему было девять лет, он был здоровым и развратным, и он до сих пор продолжает ежедневно употреблять этот ликер.

Это **сернистое масло**, производимое **Старки**, является практически эликсиром, **продлевающим жизнь** при правильном употреблении, но и не панацеей: Старки, полностью убедившись в его необыкновенных достоинствах благодаря наблюдению за многими исцелёнными им людьми, ходил туда, где были насыпи трупов от **Великой чумы**, и умер от чумы в **1665 году**.

Эта эпидемия опустошила Лондон между 1665 и 1666 годами, и это была последняя **эпидемия бубонной чумы, унесшая жизни 100 000 человек**. Эта чума, вызванная бактерией ([Yersinia pestis](#)), переносившей крысиных блох, опустошила мир, и ни один алхимик ничего не мог с этим поделать.

На самом деле, Старки, гениальный, как немногие другие, с его [летающая соль](#), это [алкагест](#) и его [Философский камень](#) **наполовину покончил со ртутью**, не смог спастись.

У летописца того времени мы находим следующее сообщение:

Мистер Старки жил в указанном там месте; но он умер, как мне известно, во время Великой чумы в 1665 году, отважившись анатомировать мертвый труп чумы, как это сделал до него мистер Томсон, химик, и прожил много лет спустя; но роман Старки стоил ему жизни. Однако лекарство, на самом деле изготовленное и приготовленное из рудной серы, называемое живой серой, теперь можно приобрести во многих аптеках в Лондоне и его окрестностях; нет, сложности изготовления не существует: при желании можно сделать самому: дождаться времени и возможности купить серную руду (не обычную серу, руду).

Процесс и форма сосуда под стеклянным колпаком, а также способ изготовления и очистки этого спирта из минеральной серы или живой серы, когда она выходит из земли в виде камня, можно увидеть в химических работах Гартмана и Кролля. под названием «Королевская химия», «Королевская фармакопее» Чары/Лефехюр, Тибо, Лемери, Глейзер, «Диспансер» Шредера и многие другие, на которые я вас отсылаю.

ВКБ

Короче говоря, может показаться, что сера сыграла огромную роль в истории алхимии. Настолько, насколько некоторые тексты алхимического корпуса отрицают и внутренне отвергают это.

ЖИЗНЬ И РАБОТА ИРЕНЕО ФИЛАЛТЕО, ПОЗВОНИМЫЙ ДЖОРДЖ СТАРКИ, И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С РОБЕРТОМ БОЙЛОМ

Один из них станет отцом современной химии. А другой, **последний алхимик века**.

И все еще...

Об отношениях **Джорджа Старки** (он же **Иринея Филалетео**) и **Роберта Бойля** мало что известно. Возможно, было бы неплохо немного покопаться в ней, чтобы познакомиться с ними.

Бойль рано интересовался моралистическими и серафимическими эссе (или романтическими и о человеческой любви), в то время как в том же возрасте Старки уже экспериментировал с ртутью, сурьмой и читал великие труды по алхимии, отчаянно пытаясь достичь хризопеи и универсального лекарства. . Ему было 20 лет, и он жадно читал любой алхимический текст, который мог помочь ему в работе.

Старки получил диплом врача, и отношения с Бойлем устанавливаются, когда он лечит последнего от болезни и прописывает лекарство. До этого интересы Бойля были в другом.

Постепенно они становятся друзьями. А Старки многому его учит химиков.

С годами **Роберт Бойль**, благодаря своему положению в обществе, начинает приобретать известность благодаря своей работе химика. И мало-помалу он отделит себя от алхимии, в некотором роде отвергнув таких людей, как **Старки**, которые, как это ни парадоксально, использовали свою работу для самовозвеличивания.

И не только Старки.

Ранние работы Бойля были полностью основаны на его теории атомизма с примером растворения серебра и золота, подтверждающим его точку зрения. Его эссе было полностью основано на работах **Даниэля Сеннерта**, которого он цитирует с нескольких сторон своей работы, но никогда не упоминает, что он полностью занимался плагиатом своих работ, и даже несколько пренебрежительно критикует его.

Бойль несколько раз осуществляет этот *modus operandi* также со Старки, от которого он извлекает секрет **философской ртути** (в письме от 1651 г.), которую он называет **раскаленной ртутью**, а в своей работе «**Механические истоки тепла и холода**» Бойль говорит о простуда, возникающая при растворении аммиачной соли (**хлорида аммония**) в воде, что приводит к очень сильной простуде.

Этому эксперименту его научил Старки целиком, и в их переписке (письмо от 16 января 1652 г.) он безошибочно отмечен.

И давайте не будем забывать, что Старки был опытным экспериментатором в течение многих лет, в то время как Бойль учился всему на его стороне, а затем хотел развестись с ним и алхимией со своим **Химиком-скептиком**. И дело в том, что он провел 40 лет своей жизни, преследуя хризопею и адептов, чтобы позже

пренебрежительно отчитать материю (хотя он никогда не мог отрицать, что был свидетелем трансмутации).

В письме Старки 1652 года он сообщает Бойлю, что в «мгновение ока» **аммиачная соль**, которая была сублимирована с сурьмой, а затем растворена, заморозила стекло и, будучи погруженной в воду, могла заморозить воду как лед.

Далее в дневнике Бойля он укажет, что вода, распыленная в колбу, в которой растворен обработанный таким образом хлорид аммония, замерзнет. И там он упоминает это как **«Эксперимент Старки»**. Но в его опубликованной работе эта ссылка не будет включать его.

То же самое в его статье **« Философские труды »**, опубликованной в 1676 году, в которой говорится о специально обработанной ртути, которая становится горячей при смешивании с золотом, что является ключевым моментом для хризопетических усилий. [Как я уже упоминал](#), рецепт этого вещества не принадлежал никому, кроме **Джорджа Старки**. Но Бойль упоминает, что открыл это загадочное вещество примерно в 1652 году, и приписывает это открытие своим собственным испытаниям и «благословию Бога».

Опять же, вклад Старки систематически удаляется из его работ, приписываемых ему. Но не только это. Бойль представляет себя независимым экспертом по химической практике.

Худшими, пожалуй, являются его комментарии в **«Химике-скептике»**, где он неблагосклонно отзывается о химиках, которых он называет неграмотными за то, что они не хотели обучать его химическим операциям, то есть тем, которые ведут к **философскому камню**. Он отвергает свой долг перед паракельтской или гельмонтовской традицией, говоря, что он никогда не подвергался их воздействию, что является ложью, потому что он был стойким последователем **Ван Гельмонта**, на котором он основывал многие из своих теорий, до такой степени, что его ранние критики считали **«Химик-скептик»** был продолжением линии Гельмонта, а не оригинальным произведением.

А среди отвергнутых и «безграмотных», несомненно, есть Старки, его наставник, от которого он всему научился, и у которого он украл все свои рабочие места. Сегодня такое отношение осудили бы как кражу интеллектуальной собственности, но в то время, о котором мы говорим, такого не было, к сожалению.

В Англии раннего Нового времени были свои правила признания интеллектуальной собственности. У писателей была такая вещь, как «подражание», и они считали нормальным перенимать или адаптировать существующие темы и даже стилистические модели.

Но явно без грубого воровства: идею можно скопировать, но не украсть. Что-то, что, если подумать, более или менее похоже на современный плагиат. Поэтому плагиат в смысле непризнанного долга мало подвергался критике в эпоху Возрождения. Только в семнадцатом веке слово плагиат стало использоваться.

А кроме того, что вызывает смущение, так это то, что Бойль знал, как важно цитировать свои источники, потому что в своих работах он упоминает, как прискорбно этого не делать, и делает это для того, чтобы его собственные не были плагиатом. А в **«Механическом происхождении качеств»** (1675 г.) он цитирует абзац

Плиния о плагиате:

«Конечно, это признак жалкой души предпочесть быть пойманным на краже, чем вернуть долг, особенно когда на ссуде будет получена прибыль».

Он будет повторять это значение отрывка в своих работах, чтобы предостеречь его от плагиата, возможно, из-за старой поговорки, что « **вор думает, что каждый находится в его состоянии** ».

Вот почему не будет упоминания об их плагиате у **Даниэля Сеннерта** или **Джорджа Старки**, и почему следовало бы спросить, не преуспели ли алхимики, когда-то претендовавшие на достижение хризопеи, зашифровав все свои знания, чтобы люди вроде Бойля и прочих «ученые» того времени не имели доступа.

Как сказал мой друг-алхимик: *«Книги по алхимии предназначены для ученых. Потому что они опасны. Оттого они так надуманы, что теряются и в конце концов застревают в них»*.

Теперь, если мы учтем, что *отец химии*, **Роберт Бойль**, узурпировал работы других, которые дали ему признание, важно знать, что двигатель, чтобы сделать это, помимо отличия, и дистанцироваться от тех, чьи работы он плагиатил, это было потому, что он не соглашался с философским контекстом этих людей, которые были в основном аристотелевцами, а Бойль был скорее атомистом. О них лучше было не упоминать, потому что они хотели представить себя публике людьми, не пользующимися знаниями недостойных (или веривших в вещи, выходящие за рамки их аксиом). Бойль хотел представить себя корпускулярным естествоиспытателем, основанным на опыте, и что на переднем крае стояла именно новая наука. Аристотелизм Сеннерта не был чем-то, что он разделял, и поэтому было лучше не упоминать об этом Сеннерту, чтобы получить от него его знания, но не упоминать, откуда они пришли.

В случае со Старки это можно было бы объяснить аналогичными причинами, но, возможно, все немного сложнее. Потому что, как он заявил в своих работах, мысль о том, что его наставляли «неграмотные», как он определял химиков этого класса, создала прецедент дистанцирования, которое навсегда останется между алхимией и химией. Мир алхимии был бессвязным миром, миром, от которого он страстно хотел дистанцироваться (только официально, потому что в глубине души он жаждал хризопеи).

И все же, как объяснить, что, когда он говорил о **раскаленном Меркурии**, он не подмигивал алхимикам? И таким образом он передал свое мастерство в области хризопеи.

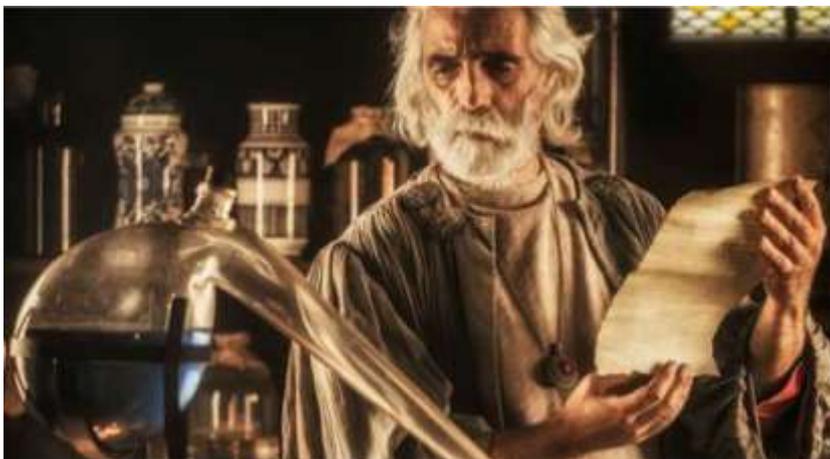
Объяснение, как я уже сказал, в том, что он страстно хотел встретить адепта и что мог бы научить его: этот способ заявить о себе был его отличительной чертой как интересующегося хризопеей. Поэтому, делая упор на собственный опыт, а не на опыт своего учителя (Старки), он открыл себя тому скрытому и загадочному миру, чтобы один из его персонажей мог войти с ним в контакт и помочь ему решить **Великую Работу**.

Или, возможно, он мог бы также заняться плагиатом этого предполагаемого адепта.

Не будем забывать, что плагиат носил практический характер, то есть плагиат опытов, которые Бойль не стал бы проводить, а не просто теоретический плагиат чего-то, объясненного вне области опыта.

Однако результатом сокрытия Бойлем своих источников является рост его виртуозности, в результате чего он довел свою жизнь до культового статуса, подкрепленного его сторонниками и агиографами. И эта предполагаемая оригинальность и новизна Бойля сильно повлияла на то, как была представлена позднейшая химия и как алхимия, в конце концов, источник его успеха, была отодвинута на второй план.

ВЛИЯНИЕ СТАРКИ И МАТЕРИАЛ

Влияние **Джоан Баптисты Ван Гельмонта**, чьи работы доминировали над химиками второй половины семнадцатого века, было неоспоримым на Бойля и Старки.

И если Ван Гельмонт оставил довольно мрачную фигуру с мрачным стилем, **Джордж Старки** был полной противоположностью: его лабораторные записные книжки достаточно подробны и подробны, чтобы знать, что он делал и как он это делал. Мы проанализируем их.

Алхимик и работа как средство их собственного духовного роста. Этот взгляд на духовную алхимию был впервые популяризирован известными оккультистами 19-го века, такими как **Элифас Леви**, **Мэри Энн Этвуд** и **Артур Эдвард Уэйт**. А позже более «научным» языком ей **придадут Карл Густав Юнт** и **Мирча Элиаде**, которые никогда не держали фляги в руках и, не выходя из кресел и стульев, теоретизировали и хотели объяснить то, чего не понимали, но чье подсказку давали те оккультисты (другие, у которых фляги были бы только для украшения).

То есть фляги, тигли, печи, перегонные кубы были лишь целью духовного самосовершенствования, чем-то со всякой наивной и ошибочной точки зрения.

Но это влияние долгое время оказывало свое влияние и продолжает в глазах многих современных алхимиков ту идею, что без этого духовного двойника никуда не денешься. Многие движения строят планы на этой идее духовной алхимии, которая больше похожа на религию, чем на знание [древние египетские мастера-крестоносцы с греками и позже отмеченный арабами на запад](#).

И хотя многие специалисты по истории алхимии разобрали эти взгляды, они продолжают и будут продолжать объяснять многим искателям ответов, чем была алхимия в прошлом или почему они писали так загадочно.

Но эта концепция даже используется многими алхимиками, чтобы отличать алхимию от химии.

И все же эта интерпретация алхимии, духовной или юнгианской, ложна: **она основана на взглядах викторианских оккультистов, никогда не работавших в алхимической лаборатории**.

Алхимики Средневековья работали с реальными материалами, брали веса, оценивали измерения, не работали наугад, и они делали это так, убежденные, что достижение этого материала приведет их к хризопее, раскрытию тайны природы.

И в этом смысле сурьма становится предпочтительным элементом для многих алхимиков, вплоть до того, что один из них, известный как **Базилио Валентин**, пишет трактат под названием **«Триумфальная колесница сурьмы»**.

Теперь сосуществование алхимической теории и практики, качественного и количественного тестирования и эксперимента в целом наиболее изящно раскрывается в трактатах о сурьме, написанных **Александром фон Сухтеном**, прусским дворянином XVI века.

В *Tractatus secundus antimony vulgaris*, опубликованном в 1604 г., но написанном в 1579 г., он дает нам

указания, как приготовить сильнодействующее лекарство из сурьмы.

Он утверждает, что ключ в том, чтобы свести его к сурьмяному regulus. Затем регулятор сплавляют с серебром (которое будет знаменитым **Philaeteus/Starkey Diana Doves**) и используют полученный сплав для возращения обычной ртути (живое серебро).

Цель состоит в том, чтобы изолировать «летучее золото» внутри регулятора (происходящее из железа, используемого при его изготовлении), которое в конечном итоге станет «питьевым золотом», долгожданым лекарственным арканом.

Оживленная таким образом ртуть обладает способностью проникать в металлы и отделять друг от друга ртуть и серу.

Этот текст имел решающее значение в жизни хрисопеев и впервые открыл идею о том, что регул был ключевой частью головоломки алхимии. Эта сурьмяная ртуть из Сухтена стала основой, на которой родились произведения **Джорджа Старки**. И все же для Сухтена была важна ятрохимия Парацельса, а не металлическая трансмутация: его интересовало **питьевое золото**.

И хотя в одном из разделов его второго трактата говорится о хризопее, в конечном счете он отвергает ее в пользу ее лекарственных препаратов, на чем он действительно сосредоточился.

Сухтен упоминает о попытке производства других металлов непосредственно из сурьмы regulus, процесс, который он четко отличает от своих инструкций по изготовлению **Философского Ртути**, и говорит:

«Эти четыре металла (свинец, олово, медь и железо) я сделал сам из регула. Два других, серебряный и золотой, я видел, как делал мой хороший друг.

И там сказано об искусственном серебре, что его можно плавить, чеканить и лепить точно так же, как и натуральное серебро. Однако он не растворяется в азотной кислоте. Он просто делает это как золото, в царской водке. И оставляет белый осадок, который не отбрасывает в пламени ничего, кроме молочного стекла. Это разочаровало его, так как этот металл не вел себя как золото или серебро, хотя и выглядел как последнее.

Эта и другие неудачи заставят этого человека, Сухтена, всегда осуждать трансмутационные работы. Проверив серебро, он проделал то же самое с золотом, только в этом случае его одобрил квалифицированный ювелир, и все же Сухтен, более дотошный, подверг его ряду испытаний, показывающих, что это тоже не натуральное золото.

«Мастер Ганс, ювелир, говорит, что это хорошее золото. Итак, я взял золото и отнес его к ювелиру, спросив его, что это за золото. Он сказал, что это хорошее золото и что он может использовать его как золото. Что касается внешнего вида, огранки, пробного камня и чеканки, то это было хорошее золото».

Но, как я уже сказал, Сухтен не удовлетворился этим мнением, которое могло бы распространить слух о том, что трансмутация была достигнута. В поисках истины и с максимальной критической строгостью он провел несколько тестов, и в каждом подтверждал, что это золото. Что-то, что могло бы «сделать счастливым каждого алхимика». Но Сухтен не мог быть спокоен, неудачный суд с серебром вселил в него скептицизм.

Поэтому он сплавил золото со своей одушевленной ртутью и нагревал смесь в течение месяца, а затем все перегнал. Таким образом, он обнаружил, что когда вся ртуть была удалена, осталось только две четверти унции металла, т. е. половина первоначального количества.

Это, как указывает Сухтен, было именно то количество золота, которое его друг вначале добавил в сурьму regulus, чтобы превратить ее в золото. Семя, которое, как они надеялись, будет работать с золотом для сурьмы, было извлечено, поэтому Сухтен объяснил, почему искусственное золото не удалось.

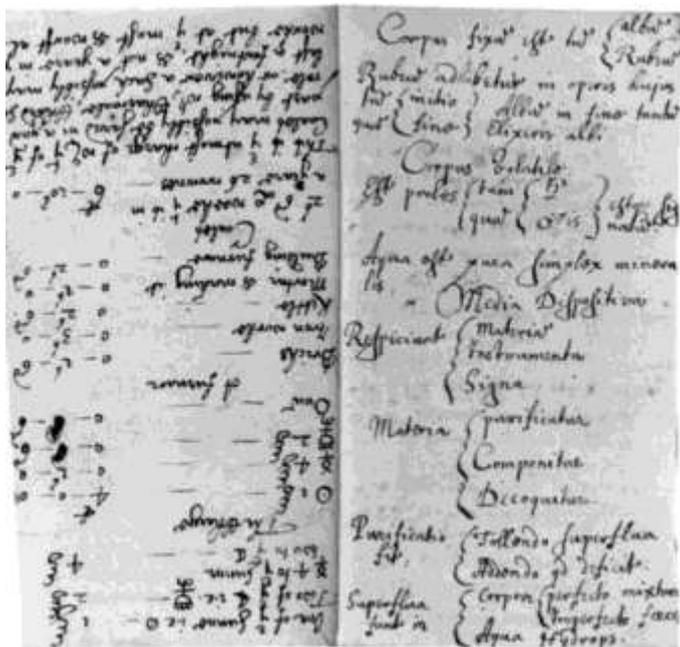
Сказал:

«сурьмяная сера, которая коагулирует свою ртуть, не соединяется с ней коренным образом, поэтому не остается с ней. Если вы попробуете его на других искусственных металлах, ваш регул все равно не будет ни свинцом, ни оловом, ни медью, ни железом, а снова станет ртутью. Поэтому ни вы, ни кто-либо другой не сможете коагулировать сурьмяную ртуть в хороший металл, как предполагают некоторые».

Друг Сухтена, как и он сам, пришел бы к выводу, что трансмутация металлов — это занимательная «сумасшедшая и меланхоличная фантазия» для тех, у кого нет опыта обращения с огнем.

Глубоко убежденные в неизбежном провале трансмутации, Сухтен и его друг рекомендуют другим потенциальным хрисопеям отказаться от такой бесплодной задачи.

СТАРКИ НОУТБУКИ

книжки **Джорджа Старки** дают беспрецедентный вид на химическую лабораторию, позволяя нам увидеть, как знаменитый практик на самом деле организовывал, запускал и выполнял свою работу в области хризопеи, химической фармации и других технических мероприятий, связанных с химия.

Сохранившиеся записи лаборатории Старки датируются 1651 и 1658 годами и состоят из трех полных блокнотов с автографами, нескольких фрагментарных блокнотов и четырех частичных стенограмм.

Спектр проектов, описанных в блокнотах, чрезвычайно широк. Некоторые записи включают в себя довольно стандартные химические лекарства или перегонку масел и духов. Некоторые связаны с подготовкой **Философского Меркурия** и попытками вынести **Философский Камень**.

Другие фиксируют попытки умножить драгоценные металлы, используя их небольшие порции для превращения неблагородных металлов. Записные книжки, единственные уцелевшие от этого человека, свидетельствуют о его приверженности хризопее и участию в разработке **Философского камня**.

Старки был очень вдумчивым лаборантом, и тетради заполнены размышлениями о природе и методах исследовательской лабораторной науки.

В его записных книжках мы сразу замечаем его одержимость печами, что-то, что он перенесет с помощью волос и знаков на книги своего альтер-эго, **Филалетей**. Вот почему он будет называть себя «**Философом огня**». А в августе 1656 года, готовясь к Большому Работе по изготовлению **Философского Камня**, он впервые прикинул расходы на печь, которая послужит для проекта.

Во многих его проектах участвовали другие, которые строили их из кирпича и раствора. Не только людей, которые помогали ему строить свои артефакты, но и помощников, которые следили за тем, чтобы огонь всегда горел. Представьте, что в то время в качестве топлива использовался уголь.

В письме Бойлю, датированном весной 1651 года, он сообщает ему, что приготовил лекарство, которое « оставил в печи на слабом огне и приказал подложить под него огонь, когда оно погаснет ».

Но иногда его финансы не позволяли ему нанять помощников. И ему даже много раз приходилось отдавать долги тюрьме или домашнему аресту. Именно поэтому в его тетрадях операции проводились им самим.

Самая большая ценность записных книжек Старки заключается в их способности рассказать нам о точных операционных и методологических аспектах его лабораторной практики и, таким образом, позволить нам реконструировать мыслительные процессы, которыми руководствовалась его лабораторная работа.

В его записных книжках мы находим, что он начинает с **антимонологии** (его любимый предмет), то есть процессов получения **серы сурьмы**.

Как мы знаем, по господствовавшей в то время (XVII в.) теории вместе с ртутью (а иногда и солью, если руководствоваться [Парацельс](#), чего бы я не делал) один из основных ингредиентов металлических веществ.

Основная сложная задача состояла в том, чтобы разрушить металлы или минералы (такие как сурьма), чтобы изолировать серу от других компонентов. И это, как я уже сказал, не ново. В справочнике по металлургии «**Химия в применении к искусствам**» среди прочего упоминается, что «*для отделения серы от сурьмы ее надо расплавить с железом*».

Для златоглазок большое значение имели также различные виды серы и ртути: они служили исходным материалом для строительных металлов и, как таковые, могли использоваться для их улучшения.

Старки начинает свою работу с серой сурьмы, рассматривая метод, рекомендованный **Иоганнесом Хартманном** в его издании **Химическая базилика Освальда Кролла** (1608 г.) .

Способ включает обработку сурьмы, то есть стибина или, что то же, **самородного трисульфида сурьмы** , сильной кислотой, полученной путем растворения в воде **соли** аммония (хлорида аммония) и селитры (нитрата калия) **фориса** (азотной кислоты) и перегонка смеси для получения своего рода **царской водки (похожей на «Воду двух чемпионов» Бэзила Валентина)**.

Обработка сурьмы этой кислотой вызывает сильное шипение и оставляет сурьмяный остаток, который затем экстрагируют кипящим (или выщелачивающим) раствором соли накипи (**карбонат калия** , который содержится в золе всех овощей).

Этот экстракт выпаривают досуха и из него возгоняют сурьмяную серу. В его текстах отмечается, что Старки не компилирует, а отвечает за создание чего-то, что приведет его к тому, что кажется могущественным сокровищем. Поэтому из того, что он узнает, он улучшает и совершенствует это.

В отрывке своего любимого наставника **Ван Гельмонта** он вытаскивает эту информацию и записывает ее в своем блокноте:

«Посмотрите, какими средствами вы можете получить серу (сурьмы), похожую на обычную серу, с небольшим уклоном в зеленый цвет. Сделайте киноварь, затем сублимируйте ее 6 раз, чтобы сублимацию можно было использовать для реверберации Лили. Я взял пол унции этой киновари, измельчил и подвесил на 24 часа в большом кувшине с вином. Столовая ложка, принимаемая в течение нескольких дней, дает прекрасный эффект. И одной и той же киновари достаточно для многих сотен кувшинов вина, так как при повторной сублимации она равной крепости».

Старки внимательно анализирует текст, отмечая следующие детали:

вижу в описании

1. Желательна сера, подобная обычной сере, за исключением того, что обычная сера менее зеленая.
2. Эта киноварь может быть сделана из этой серы, которую я не думаю, что можно сделать без ртути.
3. Именно сублимация может дополнить эту киноварь, которую еще называют Лили.
4. Что эта киноварь летучая, потому что ее можно сто раз пересушить на сто банок».

Другими словами: Старки указывает, что сначала каким-то таинственным образом нужно приготовить зеленоватую серу из сурьмы, а после того, как эта сера будет получена, ее соединяют с обычной ртутью, чтобы сделать киноварь. Как известно, вульгарную киноварь получают путем смешивания обыкновенной серы с обыкновенной ртутью и возгонки смеси в ярко-красную массу (**сульфид ртути**). По аналогии, назвав ее киноварью, Ван Гельмонт дает нам еще один ключ к ее приготовлению.

Как мы видим, есть много неизвестных, которые начинает анализировать мозг Старки. Например, имя **Лили** . Затем мы видим в его блокнотах, что он делает что-то загадочное: он записывает еще один процесс отделения **серы от сурьмы**.

Этот процесс включает в себя бросание измельченной смеси сурьмы, **накипной соли (карбоната калия)** и **селитры** в горячий тигель. Происходит сильное горение, остатки сливаются, и расплавленный материал выливается для охлаждения.

Расплавленный материал разделяется на металлическую часть, называемую **сурьмой регулус** (металлическая сурьма), и составной шлак. Он описывает этот процесс как «*поглощение сурьмяной серы подщелачивающими солями*».

Но зачем расшифровывать этот рецепт? Неизвестно, но, возможно, потому, что он считал, что этот класс сурьмяной серы близок к тому, который предложил **Ван Гельмонт**.

Так вот, именно шлак этого регулятора при контакте с воздухом «**зеленеет на воздухе**» . И у любого, кто к ней прикоснется, «*оставляются пальцы*» «золотого цвета». Что наводит на мысль, с точки зрения острого ума Старки, что там может быть включена сера желаемого желто-зеленого цвета.

Это также указывает на то, что «металлическая часть» (то есть регул), отделенная от серы, должна еще сохранять «*горючую серу внутри себя*», потому что при смешивании с селитрой регул горит, обнаруживая таким образом присутствие горючей серы.

Эта идея подтверждается идеей **Ван Гельмонта** , который, согласно его убеждениям, имеет в сурьме более одной серы, одну внешнюю (легко отделить) и другую внутреннюю (гораздо сложнее извлечь). Наблюдая за этими вещами, Старки заключает, что, возможно, он находится в присутствии просьбы своего наставника «**посмотреть, какими средствами вы можете получить серу, подобную обыкновенной сере**».

Но Старки не удовлетворяется этим первым испытанием и анализирует, делает выводы, повторяет опыты, совершенствует формулу, чтобы посмотреть, не найдет ли он лучший метод. Таким образом, он постулирует предположительный процесс, который мы неоднократно видим в записных книжках Старки.

Теперь влияние Сухтена на творчество Старки очень очевидно. Особенно подготовка **Философского Меркурия** Старки. [который мы уже обсуждали в другом отчете](#) и который, как мы видели, берет свое начало в работе Сухтена.

Но это также перенесло бы проценты, очевидно, на **питьевое золото** . Это лекарство пользовалось большим спросом у аркана, и в 17 веке о нем было написано много предполагаемых методов.

Согласно Сухтену, **золото ни в малейшей степени не вмешивается в его приготовление** . Наоборот, он готовится из «философского золота» или «летучего Солнца», извлеченного из **звездного регула сурьмы**.

Его готовят, как мы знаем, из стибнита (**трисульфида сурьмы**) и железа, отсюда и название regulusmartin, означающее Марс (железо).

Эта линейка, как известно, изображает на своей поверхности звездный (звездный) рисунок. Для Старки не следует готовить **Философское Золото** , делая из регула сурьмяную ртуть, как он ранее делал при приготовлении **Философского Меркурия**.

Затем он предполагает, что к сурьмяному регулу нужно что-то добавить, чтобы извлечь из него возгон золота, и что это будет его Солнце, и он будет долго размышлять, как это сделать, так как в этом случае Сухтен умалчивает о том, как выделить **изменчивое или философское золото** непосредственно Регула. Он снова и снова просматривает текст Сухтена в поисках подсказок. Наконец, он пишет в своей записной книжке: «*Сухтен пишет, что в шлаке от первого плавления регула есть тайна. Так почему же нельзя было возгонить серу из шлака с вонючим спиртом (т.*

Другими словами, что в шлаке будет таинство или ключ к отделению **Философского Солнца**. Но в итоге мы видим в его блокноте эти слова, написанные **Frivolum hoc** («это ничего не стоит»). И, кажется, он застрял в нескольких тестах, чтобы добиться результата.

Но если у Старки что-то и было, так это то, что он был не только методичен, но и настойчив. И провал его догадок не означал отказа от проекта. Вот почему он несколько раз вернется к проблеме киновари **Ван Гельмонта** и к питьевому **золоту** Сухтена .

Вот , [я уже подробно написал](#) о важности и подготовке « **Философского Меркурия** » Старки . Короче говоря, этот материал считался первым важным, неизбежным шагом в подготовке **Философского камня** и был завуалированным центральным элементом трактатов Филалета.

Как мы видели, метод Старки по приготовлению этого вещества имеет долгую историю, уходящую корнями далеко в 16 век. На самом деле процесс Старки основан на методе Сухтена, как мы уже видели.

Но именно вклад Старки в этот путь привлек внимание Бойля к этой теме не менее чем на 40 лет, а также соблазнил гениального **Исаака Ньютона** и многих других на протяжении многих лет.

В основе процесса лежит, как мы видели, обработка **обычной ртути** боевым **регулятором сурьмы** , чтобы «облагородить» или оживить ее как **Философскую ртуть** , таким образом, она стала бы растворителем, способным радикально растворять золото. в его принципах и приготовить его как подходящую закваску для Камня.

Классический метод Сухтена заключался в том, чтобы смешать одну часть **боевого регула** с двумя частями чистого серебра, смешать этот сплав с обычной ртутью, затем кропотливо измельчить, промыть, переварить эту смесь на слабом огне, смыть черный порошок, который выделяется во время процесс и, наконец, дистилляция ртути.

Эту длительную операцию приходилось повторять 7—10 раз; Старки превратил каждую из этих перегонок в орла.

Теперь, в соответствии с теоретической концепцией процесса Старки, повторное включение сплава серебра/регула с обычной ртутью оказывает на оживленную ртуть двойное воздействие. Во-первых, регулятор «очищает» обычную ртуть от примесей в почве и соленой воде, которые ограничивают ее растворяющие способности. А во-вторых, регул добавляет свое ртутное вещество, образуя **софический** (философский) Меркурий, поэтому следующим шагом в приготовлении **Философского Камня** (согласно этому основанию) является радикальное растворение золота в подготовленной ртути.

Старки был убежден, что точное определение соотношения золота и ртути является ключом к успеху операции. И именно поэтому он инкубирует не один, а три шарика разных пропорций, чтобы посмотреть, какой из них окажется правильным. И, потратив вторую половину февраля на кропотливое приготовление хорошего **Философского Меркурия**, примерно с 9 орлами, Старки прибегает к перевариванию этого продукта чистым золотом.

И хотя он получил некоторый намек на отношения в своем изучении писаний 10-го века, особенно **Джорджа Рипли**, он все еще сомневался и поэтому применил три колбы для переваривания/инкубации.

Что ж, Старки следовал инструкциям Сухтена, который упомянул об использовании серебра для слияния сурьмы и ртути. Это связано с тем, что сурьма не имеет сродства с ртутью и нуждается в металле, чтобы взаимодействовать с этим соединением. Но его более поздние работы будут отражать, что он пытался [безметалловый посредник](#).

На данный момент нет никаких сомнений в том, что Старки с большим энтузиазмом читал произведения **Александра**

фон Зухтен, и что в дополнение к подготовке « **Философского ртути** » и « **Питьевого золота** » Старки работал над третьим сухтенским проектом, взятым из **прусского *Tratatus secundus***. Это означало производство 6 твердых металлов (золота, серебра, железа, меди, олова, свинца) из сурьмы regulus.

Потому что, хотя Сухтен очень скептически относился к золоту и делал все возможное, чтобы утверждать, что это не природное золото, его наблюдаемые и измеримые качества могли убедить любого ювелира (и, возможно, это объясняло многие исторические превращения, потому что этот сплав был почти неотличим от золота). настоящий, хотя это была почти идеальная подделка).

Весной 1651 года Старки заявил об успехе в добыче золота и серебра из регула. Джон Дьюри был свидетелем этой операции и несколько членов окружения Хартлиба, особенно **Бенджамин Уорсли**.

Как это было? Мы обсудим это позже, но операция, возможно, включала в себя сурьму и обработку частями металла, чтобы уточнить его. Так как, согласно алхимической аксиоме, регул сурьмы близок к первому веществу металлов и, следовательно, **неопределенен**, с ним можно было бы обращаться таким образом, чтобы «определить» его по отношению к металлу.

«Регул — это хаос, как я его называю, — пишет Старки, — из которого можно извлечь все металлы».

Итак, первая зарегистрированная попытка Старки произвести серебро произошла 16 августа 1653 года. Он сплавил 4 унции чистого серебра с 29 унциями сурьмы regulus. Он добавлял различные соли и выпаривал регул на горячем огне «с изнурительным трудом». Но взвешивая конечный продукт, он не обнаружил прибавки веса в серебре.

С настойчивостью он попытался снова 18 августа. И третий раз 19. Но он пришел к выводу, что это не сработало. Он долго медитировал и записал точки, в которых, по его мнению, Сухтен изготовил металлы с помощью регулятора.

Ключевое замечание о тексте Сухтена, которое делает здесь Старки, заключается в том, что он **«требует запаха брожения меди»**, который Сухтен называет **растительной медью**.

Итак, он принялся за работу. И в эксперименте от 20 августа 1653 года он пытается произвести не серебро, а нечто более дешевое и простое: свинец. Сухтен утверждал, что это было намного проще.

Старки сообщает, что сначала он приготовил особый регул, сплавив унцию звездчатого регула (классического) с унцией колкотара, остатка, оставшегося после производства меди, с водным раствором **купороса** и **селитры**. Затем он отдельно приготовил другой специальный регул, сплавив звездный регул с таким же весом **сурика** (сурика, оксида свинца).

Наконец, Старки объединяет этих двух особенных Регулусов. И *« так все делалось на Сатурне »*, т. е. свинцом. Он сразу же описывает свойства этого «сурьяного Сатурна», указывая на его заметные отличия от природного свинца.

Воодушевленный этим успехом, он пишет в своем дневнике гипотезу: **чтобы произошла трансмутация, регулятор должен сначала сплавиться с медью**.

И тогда он возвращается в схватку с изготовлением серебра при посредничестве Венеры (меди). Делает записи о количестве тепла, весе, пропорциях солей и о том, какие соли и т. д. Но его записная книжка внезапно обрывается в августе 1653 года из-за его финансовых трудностей.

Девять месяцев спустя он снова берется за дело, в 1654 году.

А в субботу, 18 мая 1654 года, Старки начинает серию опытов по сплавлению регула с медью и серебром. Но это не удается. Он пытается снова, добавляя едкие соли, но тигель ломается. Он делает еще одну попытку, и жар заставляет тигель внезапно опрокинуться, и я пролил значительную часть его содержимого. Еще одна авария. Он проводит еще один эксперимент, добавляя порции регулятора каждые два часа, и это говорит нам:

«Я добавил около пяти с четвертью унций нового Регулуса, но произошел несчастный случай. Потому что, бросая некую крупную часть в более крупную расплавленную часть, она производила всплеск определенной части высшей жидкости и разбрасывала множество мелких крупинок по стенкам печи. На самом деле, я добросовестно собрал все, что мог, но когда оно вскипело, часть его унесла в огонь. Затем, когда я переливал его в железную посуду, тигель опрокинулся, и немного вылилось, из чего я зачерпнул, сколько смог».

Эти откровенные рассказы о неудачах в лаборатории Старки помещают нас в контекст и отражают разочарование, которое они могли принести человеку, когда все остальное не помогло. Фактически, многие из его экспериментов раздвинули границы технологий того времени.

Никто не видит стоимости этих работ, которые выполняются тайно и требуют много времени и сил. Но если успех увенчан, все его ценят в том случае, если он распространялся, чего в алхимии не бывает.

Старки снова столкнулся с финансовыми проблемами и снова не делал заметок до августа 1655 года. В этот момент Старки решает, что ни огонь, ни соль не способны осуществить трансмутацию. И он возвращается к старым идеям, но, кажется, не определяет себя. 1 ноября 1655 г. возобновляются другие неудачные попытки. Но тогда постарайтесь держать одну часть серебра и две части расплавленного регулуса в герметичном тигле в течение 6-7 недель. И кажется, что это удалось, потому что уточняет:

«Из различных экспериментов я узнал, что необходимо только продолжительное пищеварение в хорошо укупоренном тигле или небольшом сосуде без добавления чего-либо, кроме желаемого тела и умножающего воздуха».

На самом деле рецепт есть, учитывая, что это серебро было похоже на золото, но серебро, включающее в себя следы меди, соединенные в смеси регула сурьмы и серебра, выдерживалось долгое время. Это дало бы **сравнение**, практически неотличимое от обычного золота, которое не могли бы отличить даже ювелиры.

ЭЛИКСИР ИСПОЛЬЗОВАННОЙ СОЛИ

Одним из самых амбициозных проектов Старки, которому он посвятил много лет, было **улетучивание щелочей**. Под своим псевдонимом Philaleteo он никогда не объясняет всю процедуру. Но да в своих блокнотах.

Проект **летучих щелочей** должен был стать центром начинания выдающейся ценности: полной реформы медицины и фармации путем разработки единого метода приготовления, основанного на этом методе.

Старки считал, что любое вещество можно превратить в лекарство, которое будет безопасным, приятным и эффективным.

Этот проект отражает не только упорство Старки, но и его оригинальность и стремление свести свои многочисленные эксперименты к обобщенным принципам химии.

Теперь его желание приобрести летучие щелочи, как и многие его исследования, началось с чтения **Ван Гельмонта**. Самая большая тайна **Ван Гельмонта** утверждала, что это та самая [ликер алкагест](#).

Этот экзотический ликер способен растворить любое обработанное им тело. Итак, эти тела сведены к своей изначальной воде. Он был назван **Универсальным или Бессмертным Растворителем**, потому что после завершения растворения и анализа составного тела его можно отделить от растворенных веществ в том же количестве и качестве, в каком оно было использовано.

И это особенно верно: по моему опыту с [Алкагест](#), изготовленный из сырья мочи, прозрачная жидкость растворяет медь, извлекая ее синий оттенок, не поджигая металл, но удаляя эту сущность, и затем может быть снова отделена для работы с другим веществом, без проблем или изменения вашего сложный.

Означает ли это, что его можно использовать для приготовления всевозможных лекарств и других

производных продуктов?

В 17 веке поиск **алкагеста** был знаменитым алхимическим делом, почти таким же распространенным, как мифический **философский камень**.

На протяжении века появилось множество трактатов, посвященных этому чудесному веществу. Сам **Роберт Бойль** был очарован этим ликером.

Конечно, приготовление такого большого аркана не было и не могло быть открыто раскрыто. И так, Старки, как и многие другие химики, провел большую часть своей жизни в поисках секрета своего приготовления в разрозненных утверждениях, включая загадочные слова **Ван Гельмонта**, который был одним из немногих, кто проявлял милосердие к искателям или Сынам Искусства.

И поскольку он признал перед своими читателями, что его поиски были чрезвычайно трудными, он предложил им альтернативу: **улетучивание нелетучих щелочей**, особенно **соли извести, карбоната калия**, что дало бы растворитель с аналогичными свойствами, хотя и меньшей. , Алкагесту.

«Если вы не можете достичь этого аркана огня, то есть Алкагеста, то научитесь превращать соль тартара в летучую и завершать с ее помощью свои растворения» .

Ван Гельмонт также хвалил летучие щелочи за разрушение камней в мочевом пузыре и почках.

Проблема, очевидно, в том, что щелочи не являются летучими, **это фиксированные соли**. На самом деле соль винного камня, **карбонат калия**, может часами выдерживать самую сильную жару, ничуть не испаряясь.

Но предполагалось, что летучая соль накипи способна испаряться при слабом нагреве, ниже температуры накаливания. Старки вскоре стал одержим достижением этого:

«Примерно в конце марта 1646 года я начал медицинскую практику в Бостоне, Новая Англия, и с этого времени и по сей день в 1656 году я с твердым намерением посвятил свою работу улетучиванию щелочей, особенно винного камня. соль.»

Чтобы добиться этого, как мы видим в его тетрадях, он перепробовал все. От употребления **винного спирта** (алкоголя), **уксусного спирта** и **нашатырной соли**. И его результаты не были совсем неудовлетворительными. И хотя ему удалось приготовить две менструации, используя уксус и спирт для улетучивания щелочи, он не был полностью удовлетворен: вероятно, из-за свойств этих ликеров.

И он подумал, что это, вероятно, не истинный дух летучей соли из винного камня, описанный **Ван Гельмонтом**.

Из этого следует теория, которой руководствовался Старки: он думал, что летучесть может быть вызвана в чешуйчатой соли использованием летучих веществ в качестве союзников. По этой причине, как было проверено со времен средневековья, он использовал **хлорид аммония**, но результат был неудовлетворительным, оставляя неприятный запах мочи.

Преобладает, однако, идея, что летучее вещество уносит более фиксированный компонент вверх.

Позже в препарате с серой сурьмы он оставляет своего помощника огню, но, похоже, он неправильно обращается с ним, и происходит катастрофа, теряющая все произведенное. Но поскольку в смеси была винная соль, и она исчезает, он интуитивно догадывается, что может найти способ испарить ее, используя некоторые продукты из смеси. И идет к этой практике давно, пробуя с маслами, мылом и т.д.

Итак, мы подошли к фрагменту его записной книжки, датированному декабрем 1651 года, где он описывает безопасный предполагаемый процесс улетучивания винной соли с использованием **теребинтового масла** (скипидарного спирта) .

Этот метод включает медленную перегонку выщелоченной известняковой соли с **теребинтовым маслом** для

получения черного осадка, который Старки назвал « **МОЛОЗИВОМ** », а затем перегонку спирта из этого « **МОЛОЗИВА** ».

А поскольку этот «молозиво» образуется медленно во время кипячения, Старки предпринимает необычный шаг дистилляции смеси с поднятым носиком реторты, тем самым продлевая дистилляцию и максимизируя количество произведенного молозива.

Затем это молозиво нужно было сильно нагреть в реторте, в которой должен был дистиллироваться спирт летучей щелочи.

Никаких дальнейших указаний на эту работу Старки не известно, пока мы не увидим упоминание Бойля о летучем солевом эликсире в его **Философском журнале** 1655 года.

Нет никаких записей о работе Старки над этим летучим щелочным проектом между 1652 и 1655 годами, без сомнения, из-за его финансовых бедствий, многократных банкротств и выживания на то, что у него было.

Однако процесс, который документирует Бойл, будет отвергнут Старки. И он берет новое направление своих исследований. Процесс, который вы сейчас пытаетесь попробовать, не только принесет вам долгожданный успех, но и полностью изменит масштаб проекта.

Эта запись в блокноте носит название **ARCANUM ALKALIES**, написанное с большой буквы. **И там он подробно объясняет, как это сделать.**

Но поскольку это общественное пространство, я воздержусь от пояснений. Формулу можно найти на моем частном форуме ([нажмите здесь](#))

Переход от растительной серы к минеральной или металлической сере не будет стоить Старки больших затрат. И оттуда он размышлял о всевозможных идеях, которые вскоре претворял в жизнь.

Как мы могли заметить, Старки был дотошен, аккуратен и основывался на лабораторном опыте в своих выводах. Прежде всего, он был перфекционистом.

Что не объяснено, так это то, как **Иренео Филалетео**, его альтер-эго, стал актуальным, заявляя об успехах в хризопее и **Универсальной Медицине**, когда в его записных книжках указывают, что он не достиг этого чуда (но у него были все намерения и желания, вложенные в него).).

СТАРКИ, ГЕНИЙ ДЛЯ ВРЕМЕНИ

Одержимость Старки была хризопеей, а также экзотическими эликсирами для человеческого тела. Примечателен тот факт, что Старки, как известно, создал действующую лабораторию в Лондоне менее чем через 4 месяца после своего прибытия туда. Но это еще не все. Он уже выпускал продукты, достаточно новые, чтобы привлечь внимание коллекционеров таинственных редкостей, таких как **Сэмюэл Хартлиб**, **Бенджамин Уорсли**, **Роберт Бойль** и странный **доктор Фаррар**, который даже предложил ему 5000 фунтов стерлингов за его металлургические секреты.

А этот молодой человек 22 лет, приехавший с Бермудских островов, вроде бы все знал. И не случайно там, где он был. Новая Англия была хорошим местом, чтобы узнать все о медицине, химии, хризопее и так далее. В его записных книжках мы видим печать его образования в **Гарвардском университете**.

Но был ли он самоучкой, как большинство современных алхимиков?

Нет, согласно его записным книжкам, его ученичество в качестве химика началось в 1644 году у **Ричарда Пэлгрейва**, врача из Чарлстауна, о котором почти ничего не известно.

Затем он учился у экспертов в области металлургии, специализирующихся на зарождающейся черной металлургии. Вполне вероятно, что именно здесь он получил свои способности к регулятору, избегая повреждений и опасностей, которые могут быть вызваны работой с высокими температурами и токсичными минералами.

Что ж, из его лабораторных тетрадей видно, что экспериментальные проекты Старки всегда начинаются с текста авторитетной фигуры, человека, на которого он возлагает всю надежду на то, что то, что он говорит, правда.

На ятрохимические темы, например, он часто цитирует **Ван Гельмонта** и **Александра фон Сухтена** ; на хризопейные темы снова **Сучтен**, **Бернардо Тевисан**, **Джордж Рипли** и **Артефиус**.

И хотя многие проекты Старки превзошли ожидания или намерения их источников, например, лекарства с использованием летучего солевого эликсира, в целом он всегда основывался на источниках и никогда не был на 100% оригинален в отношении чего-либо.

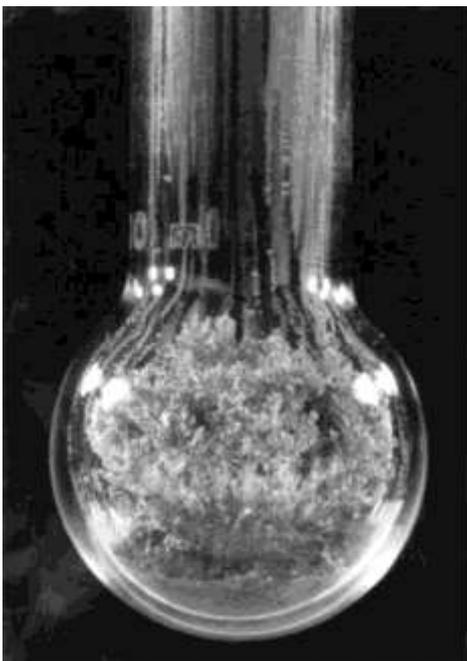
Но в этом он ничем не отличается от современного химика, который всегда будет прибегать к источникам для проведения опытов. Проблема в том, что источники Старки часто были загадочными, завуалированными или неполными, и вы не могли точно сказать, где правда, за некоторыми исключениями.

Вот почему вся его работа основывалась на его интерпретациях тех авторитетных источников, на которые он возлагал всю свою веру. Философский **камень** был для Старки логическим следствием преобладающей хемонической теории и неотъемлемой частью мышления многих химиков.

И к этому были добавлены свидетельские показания по этому делу, чтобы не возрастало сомнение. Авторизованные персонажи, достойные всяческих похвал.

Но вдобавок ко всему этому Старки совершил несколько удивительных вещей, за которые ручались его любимые авторы. Например, сделать так, чтобы золото проросло и превратилось в **минеральное дерево** ; **летучая соль**, Философский **Ртуть** .

А для тех, кто все еще не хочет думать, что в алхимических текстах была скрытая практика, что они были просто чушью, вы можете увидеть на этом изображении ниже знаменитое « **философское дерево** », выращенное в колбе по инструкции, найденной в Частные заметки Старки и использование **Софистического Меркурия и золота** , точно так же, как учили **Филалет** и различные авторы-алхимики:

Изображение **Лоуренса Принципа** , историка алхимии.

Теперь, если что-то ясно из сочинений Старки, как из его записных книжек, так и из его трактатов под псевдонимом **Ириней Филалетус**, так это то, что для изготовления **Философского камня** ключевыми ингредиентами являются золото и ртуть.

Ключ, который он охранял во многих своих трактатах, состоял в том, чтобы найти связь, которая позволила бы «философскому» союзу. Тот подходящий посредник, способный неразрывно соединить золото и ртуть, чтобы они могли образовать Камень.

Этим посредником, несомненно, когда читаешь его лабораторные журналы, **была сурьма. Любимый предмет Старки.**

Но ему представили сценарий о том, какую сурьму regulus он должен использовать? Боевой звездный регул, приготовленный из железа, или просто сурьмяный регул, приготовленный без добавления железа?

Его главный наставник Сухтен обращался к железу, но его также мало интересовала хризопея. Затем Старки пришлось переосмыслить использование звездного регула. Эти сомнения возникли естественно, потому что операция не удалась ему в конечном процессе с использованием железа. **И он совершил 5 долгих лет опытов с Философским Меркурием** (с 1651 года) и пищеварением с золотом. И, если не считать обнадеживающего признака металлической растительности, он все еще не мог создать Камень.

Именно поэтому он отказался от использования боевого регула, потому что процессы, основанные на этом, определенно не работали. Его судьей была его лаборатория.

И именно в 1656 году он прекращает использование этого регула, готовясь таким образом посвятить себя использованию регула *как такового*, отказываясь от использования железа, о котором он так много говорил в своих работах, таких как Филалетео, и которое Сухтен ценил так высоко как ключ. к успеху процесса.

А Старки, исходя из собственных лабораторных наблюдений, посвящен работе только с сурьмой. Вот почему ее иногда называют Венерой, потому что, не имея мужчины, Марса, железа, она женщина без мужа.

ВЛИЯНИЕ СТАРКИ НА БОЙЛА

Как мы видели, в то время как Старки полностью работал над алхимическими процессами, Бойль посвятил себя публикации своей **«Серафической любви»** в 1659 году, моралистической работы в христианском стиле.

Но его подход к алхимии начался в то время и из рук большинства естествоиспытателей. Во фрагменте своего письма Бойль пишет:

«Облачная игра действительно содержит истинные философские Меркурий и Серу, которые прославляли, желали и мечтали так много трудолюбивых алхимиков».

Его оценка этой субстанции, продукта неба, помещает Бойля в то время в алхимическую школу мысли, далекую от металлической или металлургической и скорее тесно связанную с природой.

И это очевидно: магическую традицию XVI века продвигал не кто иной, как **The Cosmopolitan**, то есть **Мигель Сендивогийус**, в чьем видении металл был абсолютно ни к чему. В его тексте **«Новый химический свет»** мы видим, что он защищает то, что естественно, и особенно соль, скрытую в воздухе, этот **универсальный нитро**, способный достичь возвышенного Лекарства для людей.

И точно так же, как **Рипли** и **Сухтен учились** с минералом и металлом, подталкивая **Старки** (и этого к тем, кто придет) идти по этим путям, **Сендивогий** сделал свое дело, явно выступая против обличительной речи минерал/металл.

Хотя справедливо признать, что в своем новом « **Химическом свете** » он мастерски объясняет процесс с помощью прозрачной воды, извлеченной из солнца и луны, интерпретация которой была головной болью тысяч, где вулгарное золото погрузится, оно сгниет и сформирует **Камень** . Я был свидетелем этого процесса, я видел эту воду, как она портит золото и приводит его к жизни, отличной от металлической. в [Форум](#) Я добавил несколько фотографий процесса. Но в результате образовался полный хлорид золота, без какой-либо лекарственной экзальтации или какого-либо рода.

Бойль, как мы видели, любил заниматься плагиатом у авторов, которые были до него. Он делал это со многими. И он делает это, когда упоминает в своих трудах, что он делал настоящие драгоценные камни из песка, и что он также знает, как сделать «*кремневую жидкость*», в которой все металлы становятся похожими на прекрасные деревья.

Эта жидкость представляет собой водный раствор силиката натрия или калия. И его получают сплавлением порошкообразного кремня или простого песка с щелочным карбонатом (натрием или калием). Затем кристаллическую расплавленную массу растворяют в воде.

Когда кусочки солей металлов попадают в этот раствор, они начинают расти, как древовидные фигуры. Откуда Бойль получил этот опыт?

кто иной, как **Иоганн Рудольф Глауберт** , который не только приготовил этот «отвар окуня», но и объяснил рост деревьев, вызванный его действием на соли металлов.

А еще он дал рецепты изготовления драгоценных камней из кремня и песка, те самые, о которых упоминает Бойль. Глоберт далее называет песок «**матерью металлов**» и утверждает, что россыпное золото добывается в песке, и опубликовал процесс извлечения этого золота из его песчаной матрицы.

Короче говоря, то, что Глобер был источником Бойля, бесспорно.

Это наводит нас на мысль, что Бойль не имел в себе личного философского субстрата, но что он «извлекал» (говоря эвфемистически) то, что считал интересным, и затем приписывал это себе как собственное произведение. Таким образом, он воспринял идею Сендивогиуса о «**воздушной азотистой соли**» как о ключе к алхимическим операциям.

Эти теории, как вы знаете, включали в себя то, что дождевая вода, роса, особенно в определенное время года, насыщены тонкой солью, что является неоднократно доказанным научным фактом, и что в книге [Соль из мудрых](#), Вы сможете найти разные способы проявить эту соль и дать ей другое применение.

Это же видение «**воздушного нитро**» в воде было распространено **Томасом Воаном** (1622-66) по прозвищу **Евгений Филалет** , доверяя трудам **Сендивогия** , которым он верил буквально.

Но именно тесный контакт со Старки заставляет Бойля навсегда забыть сендивогианские концепции и полностью обратиться к **Философскому Меркурию Старки** . И оттуда он не сдвинется 40 лет.

Действительно, тот **Меркурий софический** , специально обработанный, был способен особым образом растворять золото, разбухать и гнить.

А согласно концепции Старки, которую он рассказал Бойлю, **Философский камень** действовал непосредственно на внутреннюю серу ртути, превращая таким образом жидкий металл в золото.

Вполне вероятно, что трансмутация, свидетелем которой был Бойль и о которой он оставил запись (которую я упомянул здесь), — это та трансмутация, которой научил его сам Старки, и , **возможно, она была золотым сравнением Сучтена** .

Теперь, что довольно любопытно, в трактате «**Медулла алхимии** » Старки в неблагоприятном ключе упоминает об искателях ртути в « *простой воде / такой, как облака захвачены* », явно указывая на то, что он имел в виду своего ученика Бойля и его старого убеждения сендивогианцев.

Итак, благодаря влиянию Старки, юный Бойль превратился из моралиста в естествоиспытателя, с годами специализирующегося на поисках Камня, как утверждал его наставник в своих работах о **Филалетее** .

Взаимодействие Старки и Бойля продолжалось до 1665 года, даже до безвременной смерти Старки во время **Великой чумы** 1665 года. Старки, убежденный, что его открытия могут противостоять чуме, остался, когда все покинули город. И ценой стала его жизнь.

Теперь сторонники веры или школы мысли, что первая материя металлов была найдена не в этих, а в других, более абстрактных началах или даже в селитры, стали мало-помалу завоевывать популярность.

Не следует забывать, что и **Рипли** , и **Сучтен** , и **другие придерживались школы мысли Гебера** , которая была [европеец, который выдавал себя за араба](#) и отверг весь арабский сборник овощей и животных материалов в погоне за **минералами/металлами**.

Но эта идея о том, что первооснова жизни и роста вещей — будь то животные, растения или минералы — находится в веществе воздуха, точнее в воздушной соли, вскоре обрела новых сторонников. И все же Бойль следовал указаниям Старки, потому что результаты, которые он получал в лаборатории, были многообещающими, а роса, дождевая вода были чем-то слишком неосоздаваемым.

Основные сторонники этой **воздушной нитротеоории** в конце 16 - начале 17 веков, такие как **Майкл Сендивогий** и **Кловис Хесто** , сьер **де Нюисеман** , подтвердили en bloc, что отправной точкой **Философский камень** представлял собой философскую **соль нитр или селитру** , которая имела лишь некоторые общие свойства с обычной селитрой.

Это направление мысли породило **философские магниты** , то есть вещества с гигроскопическими способностями, способные притягивать из воздуха вышеупомянутую **воздушную соль** .

Некоторые придавали столь большое значение философским образам, что зашифровывали их подготовку алхимическими символами или гиперболами. Например, препарат **философского магнита** совершенства, известный как **карбонат калия** , который извлекается из золы растительных остатков, также был приготовлен с использованием **нитрата калия, сжигаемого на древесном угле**.

А в некоторых трактатах — например: **Splendor Solis** — мы просто видим его представленным в виде дерева, с которого алхимик отрывает ветку и из которого бежит ручей, следствие очевидной гигроскопичности.

Так вот, Глоберт сказал бы, что **селитра** была двойным веществом, то есть «**гермафродитной солью**» , которая содержит как летучее кислое вещество, которое он назвал **летучим селитрой** (азотной кислотой), так и едкое и твердое вещество, которое он назвал **фиксированная селитра** (**карбонат калия**).

Но интуитивное неприятие металлов исходило от **Томаса Вогана**, поклонника **Cosmopolitan** , который, как и он, жаловался на «**пытки металлов**» невежественными металлическими алхимиками. Это был типичный взгляд алхимиков того времени на обработку металлов. Не отстает и **Михаил Сендивогий** , он даже пишет юмористический диалог между алхимиком и Меркурием, в котором последний жалуется на то, что его «истязают» чрезмерным нагревом и лечением.

Эти два потока алхимических мыслей необходимы для понимания того, почему между многочисленными текстами прошлого никогда не будет соответствия: в соответствии с тем, на какую школу мысли они откликаются, поэтому они будут шифровать и выдавать свои процессы.

Но правда в том, что единственной системой мышления, которая имела большой успех, была система Старки в царстве металла и фармацевтики, где его интенсивные эксперименты дали видимые и поддающиеся проверке результаты.

Даже его убеждение, что знаменитый и таинственный **алкагест** был найден в моче, верно, потому что я сам был свидетелем его изготовления и того, как он растворяет металлы с очень любопытными характеристиками.

Его простое приготовление объясняется на форуме.

ПУТЬ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Оставив после себя росу, дождевую воду, остатки растений и животных, Старки, как он позже **Хемберг**, сосредоточился на минералах и металлах, чтобы сделать Хризопейовый камень. А в овощах только для нужд медицинских заводов.

Дело не в том, что он отвергал других априори, а просто в том, что они так и не нашли ничего, что удовлетворило бы поиски мифического Камня. Роса и дождевая вода были бесполезны.

Хомберг основывал свою работу на беседах с Бойлем, а Бойль, очевидно, перенял работу своего наставника Старки: вот почему процесс Хомберга идентичен процессу Старки.

Например, точные пропорции, которые приводит Гомберг (9 частей сурьмы к четырем частям железа), такие же, как те, которые он систематизирует в своих **Introitus apertus и occlusum aegis palatium Филалетуса**, и способ очистить его 3 или 4 раза селитрой. (**нитрат калия**).

Эту же формулу использовал **Исаак Ньютон**, очевидно, из-за его тесного контакта с Бойлем и остальными химиками того времени.

Хомберг соединяет две части этого регула с медной частью (и, таким образом, избегает использования серебра для **знаменитых голубей Дианы**, поскольку очевидно, что Старки, использующий серебро, не работал на него).

В отличие от других меркуриалистов, которые использовали аналогичный процесс для создания **Mercury Saphic**, Старки был очень необычным, возможно, единственным, кто использовал медь на этом этапе операции. Это новшество, которое он сделал в 1653 году.

Затем Хомберг смешивает три фунта обычной ртути с этим *regulus venereum* сурьмы, советуя растирать амальгаму в горячей ступке — опять же, как говорит Старки — до тех пор, пока амальгама не станет гладкой и « **ne paraoisse plus de grumaux sous les doigts** ». (*шišки больше не появляются под пальцами*).

Затем амальгаму необходимо многократно переваривать и промывать, согласно Хомбергу, до тех пор, пока промывная вода не перестанет быть черной (опять же, как говорит Старки). А затем из амальгамы надо отогнать обычную ртуть. Затем его следует смешать со свежим регулусом таким же образом, как и раньше, и эти соединения следует повторить около десяти раз.

Старки также упоминает в своих записных книжках, что их нужно повторять определенное количество раз и что это должно быть сделано с последовательными промывками и дистилляциями.

Старки сравнил сплав сурьмы с «мылом», которое могло бы «смыть» неоднородности ртути. который советовал экономить воду при каждой стирке, чтобы продемонстрировать это. На самом деле после 5-й или 6-й перегонки в промывных водах уже не остается темной воды. Это явно указывало бы на то, что примесь ртути была окончательно очищена.

И Хомберг, чтобы не отставать, выполняет в точности рекомендацию Старки: сохранить «грязную» воду, оставшуюся после промывки амальгамы, и выпарить ее, чтобы получить землистый, светлый материал

сероватого цвета без запаха и вкуса.

И он думает, что пыль должна быть примесью, отделенной от Меркурия, а не частью регула. Эта примесь не может быть восстановлена обратно в металл, и после амальгамации она уже не появляется, сколько бы свежего регула ни добавлялось к ртути. **Ergo: это не от regulus.**

И Хомберг заключает:

«Есть вещество, которое естественным образом содержится во всей обычной ртути, составляет ее существенную часть и может быть отделено с помощью этой операции».

Хомберг, любитель весов и измерений, взвешивает порошок и приходит к выводу, что три фунта ртути содержат 0,5% этого остатка.

В 1705 году Хомберг утверждает, что если эту специально приготовленную ртуть запечатать в стеклянном яйце с длинной шейкой и все это нагреть, то **Философская Ртуть** будет постепенно густеть, в конце концов превращаясь в порошок, **сначала черный, затем белый и, наконец, белый. красный.**

Характерные цвета произведения, на которые ссылаются многие трактаты.

Этот порошок весит больше, чем ртуть, из-за включения в него вещества света, говорит Хомберг, как разновидности металлической серы, и того, что он включен самим теплом: огнем, который ему дан.

Хомберг объясняет, что если этот **тяжелый красный порошок** поместить на самый сильный огонь (где световая материя будет в большем волнении), ртуть будет перегоняться, оставляя на дне металлический осадок, которым является **золото**.

Для Хомберга это золото должно было подтвердить его теорию **Света/Серы**, которая в этом процессе должна была быть введена в ртуть. Свет для Хомберга был **философским золотом, а это была утонченная Сера.**

Итак, эта история заканчивается этим очевидным успехом смены цвета, золотом на заднем плане и некоторыми секретами, оставшимися в блокнотах Старки, которые он может раскрыть в другой раз, когда у него будет больше времени.

надеюсь, вам понравилось

ПОСЛЕДНИЙ ХИМИК АКАДЕМИИ НАУК: ХОМБЕРГ

При завоевании хризопеи немногим хватило разума объяснить формулу получения этой материи, способной трансмутировать металлы.

И, возможно, больше всего выделялся химик, известный как **Вильгельм Хомберг.**

Ученый, любопытный по натуре и с одним из лучших умов, существовавших в то время. Этот человек работал в Академии наук с завидной репутацией. Свои эксперименты представил их как шоумена. И его почитали ученые, приехавшие со всего мира посмотреть на его работы.

Мы могли бы сказать, не опасаясь ошибиться, что Хомберг был Индианой Джонсом в истории химии на заре ее существования, когда она только отделялась от алхимии и обе границы еще не были четко определены.

Среди его подвигов было то, что он мог сделать белый фосфор (то, что немногие знали, откуда он взялся и как он был сделан), он мог сделать знаменитый **болонский камень**, который светился в темноте, и многие другие находки, которые он собирал, обменивая, в своих кругосветных путешествиях. Там, где был рецепт, он обменивал его на что-то, что могло служить другим.

Так получилось, что он обменял **Роберта Бойля**, отца химии, на секрет изготовления знаменитого Философского Ртути в обмен на то, что научил его получать белый фосфор.

Бойля его научил **Джордж Старки**, он же **Иренео Филалетус**.

В трудах Хомберга мы находим, как изготавливается Философский камень, и его происхождение согласно анализу его исследований.

Далее следует замечательный исторический отчет об экспериментах, наблюдениях и озарениях, которые предположительно привели хрисопеев (алхимиков) к созданию **Философского камня**.

Хомберг пишет, что ранние алхимики отмечали, что все металлы в расплавленном состоянии напоминают ртуть. Это привело его к выводу, что металлы образовались в результате коагуляции ртути под землей.

Часть этой подземной ртути, однако, не смогла коагулировать в металл из-за загрязнения избыточной влагой и была обнаружена в рудниках еще в жидком состоянии.

Следовательно, первые алхимики пытались высушить эту лишнюю влагу. Но они с треском провалились. И они пришли к выводу, что внешнего тепла недостаточно для этой цели, и им нужно вещество с «внутренним теплом», которое можно было бы добавить к ртути и вызвать коагуляцию в идеальный металл.

Они искали такое вещество в минералах, солях, кислотах и других местах, но ничего не нашли. Затем с «рассуждениями, которые кажутся весьма правдоподобными», рассказывает нам Хомберг, они поняли, что если металлы сами по себе являются ртутью, коагулированной по какому-то внутреннему принципу, то сами металлы должны содержать в себе этот желанный принцип коагуляции.

Они назвали этот принцип **«металлической серой»**.

Но нагревать обычную ртуть с металлами не удалось, потому что металлы слишком сильно цеплялись за свою внутреннюю серу, чтобы ртуть могла высвободиться. Затем они предположили, что им нужен «неполный» металл, который мог бы принимать металлическую серу от настоящего металла и переносить ее на ртуть.

Наконец они нашли то, что искали, в руде **сурьмы** (стибине) и железе. Сплавив эти два материала, они создали

блестящую металлическую субстанцию, которую назвали **Боевым Регулусом**.

Этот **боевой регулятор**, столь разыскиваемый и изготовленный **Исааком Ньютоном**, имел на своей поверхности звездный кристаллический узор, который самые религиозные алхимики называли «Вифлеемской звездой»: это был «рожденный спаситель металлов».

Идея здесь заключалась в том, что сурьмяная руда могла принимать металлическую серу железа, становясь, таким образом, почти металлом, поскольку regulus был блестящим, как металл, но хрупким, как руда.

И тогда Регулус мог перенести эту металлическую серу в обычную ртуть, заставив ее коагулировать в настоящий металл, как он должен был сделать под землей.

После повторной дистилляции обычной ртути из этого регула, рассказывает нам Хомберг, алхимики были поражены, обнаружив, что ртуть теперь коагулирует в красный порошок при нагревании.

И не только это.

Этот красный порошок при приготовлении с большим количеством ртути давал небольшое количество золота. Затем они попытались растворить золото в приготовленной ртути и нагреть смесь в закрытой колбе. Они наблюдали, как смесь проходит через различные цвета, а затем превращается в красный порошок.

При сплавлении этого красного порошка был получен новый тип золота, гораздо более насыщенного цвета, чем обычное золото. При плавлении с недорогим металлом это особое золото превращалось в обычное золото, в десять раз превышающее его вес.

Они повторили процесс, сплавив это «более совершенное» золото с большим количеством своей ртути, а затем переварив смесь обратно в красный порошок; результат теперь превратил неблагородный металл в сто раз больше его веса в золото. При еще одном повторении процесса они получали материал, из которого «*одна крупинка превращала тысячу гранов любого несовершенного металла в природное золото*».

И называли они «*этот высоковозвышенный материал своим эликсиром и камнем философов*».

Хомберг завершает свой исторический отчет **о философском камне**, говоря, что «*эта работа никогда не проводилась, и это не то, что он может решить*».

Он упоминает, что многие заслуживающие доверия люди утверждают, что видели **Камень** и его эффекты, но также и то, что многие другие обанкротились, пытаясь его изготовить. Поэтому, советует он, **было бы неразумно отправляться на поиски камня, не имея твердого представления о том, как это сделать**.

Я надеюсь, что это письмо прольет свет на то, чтобы в будущем избежать головной боли для энтузиастов-исследователей, читающих меня.

Все сказанное Хомбергом согласуется с басней скандинавского мифа о **Фенрире** и скандинавском боге **Тюре**, связанном с Марсом, с железом, так как он был богом войны и законодателем богов.

Тир известен тем, что связывает волка Фенрира и тут же теряет руку от «укуса». Этому волку было предсказано убить Одина (золото) во время **Рагнарока**.

Теперь, перенесенный на то, что мы видели, и на алхимию, волк (Фенрир) соответствует металлу сурьмы (как

серый волк **Базилио Валентина**).

Сурьма необходима для получения хорошей ртути, которая может связываться с золотом и производить фермент, из которого получается **Философский камень** . Чтобы очиститься, он соединяется с железом, образует регул, и только потом может соединиться с золотом. Это работа, которую Хомберг выполнял десятилетиями.

А великий и гениальный **Исаак Ньютон** работал с регулом и смесью золота и обычной ртути в комнате без вентиляции, когда он вдохнул пары, выделяемые этими веществами, которые в конечном итоге убили его.

, эти представления о работе с металлами, минералами и токсическими веществами исходят от **Иренео Филалетео** , странного персонажа, который был не кем иным, как альтер-эго **Джорджа Старки** : это было без сомнения доказано при исследовании ранних работ **Старки** и сопоставлении их с **Филалетей** .

А также потому , что **Старки** был очень близким другом **Бойла** .

По сути, основная теория, как объяснил Хомберг, заключается в том, что обычная ртуть сначала очищается от примесей. После этого добавляется металлическая сера из **регула боевого** , который обеспечивает коагулирующий агент, превращая ртуть в красноватое вещество.

Когда золото растворяется в очищенной таким образом ртути и все нагревается, получается несколько иное красное твердое вещество, которое при сплавлении с каким-либо металлом давало более совершенное золото, чем обычное золото, и могло превращаться в золото в 10 раз превышающее его вес. . . .

Повторение процесса, на этот раз с использованием трансмутированного золота, которое является более совершенным, привело бы к появлению более мощных, более совершенных агентов трансмутации и, короче говоря, к мифическому **философскому камню**. Все это по рассуждениям Гомберга, вера которого в сочинения Филалефея не вызывала сомнений.

Если мы внимательно посмотрим, то этот способ действий не сильно отличается от того, который предложил [Хуан де Рокатальяда](#) , чью историю мы рассматриваем в другой статье. [отчет](#) . Он также занимался очисткой ртути, к которой нужно было добавить «философскую серу».

Но в этом случае у нас есть известный химик, известный как Гомберг, который не заявлял ничего, чего он не видел или не испытал, и утверждал в своих текстах, что превратил часть ртути в золото. Действительно, собственная **одушевленная (или философская) ртуть** Гомберга была способна позолотить серебряную ложку.

И не будем говорить о его мифической специально изготовленной солнечной установке: он смог позолотить часть чистого серебра и отсюда сделал вывод, что **на солнце есть «тонкая сера», как нигде**.

Это то, что удалось воспроизвести одному французскому другу (**Greenlion**), который прислал мне это **изображение много лет назад**.

Что ж, использование сурьмы для превращения обычной ртути в « **философскую ртуть** » для изготовления **Философского камня** — это исследование хризопеи с 17-го века сюда с [Фулканелли](#) и другие, следовавшие за творчеством **Иринея Филалетуса**.

И все, кажется, сосредоточено на специальной теории ученого Гомберга, который установил в 1705 году в своем историческом сочинении, что **свет был истинным началом серы**.

И после этого утверждения Гомберг сказал, что « **если обычная ртуть достаточно очищена посредством сурьмы и железа, то она становится более живой и более жидкой, чем прежде** ».

Это заявление, сделанное авторитетом в Академии наук, заставило мозги хризопейцев (алхимиков) вскипеть, и они признали подготовку **Философского Меркурия Иринеем Филалетео действительным**.

И тогда Гомберг пошел еще дальше: он сказал, что, когда эту особую ртуть запаивают в колбу с длинным горлышком и осторожно нагревают, она будет постепенно густеть, затем превращаться в порошок, сначала черный, затем белый и, наконец, красный.

Он не указал на это и не упомянул, что в алхимическом корпусе эти цвета указывают путь Великой Работы. Возможно, он сделал это не намеренно, зная, что его наказывают за разговоры об этом. Он тщательно раскрывал свою алхимическую деятельность, скрывая ее на виду.

Фактически, он указал, что полученная пыль весит больше, чем исходная ртуть из-за **поглощения ею света/серы от огня**. И он объясняет, что когда эта пыль нагревается сильнее, большая ее часть испаряется в виде ртути, а небольшое количество остается в виде твердого металла (**золота**).

Позже он объяснил это превращение в терминах «**тонкой серы света**», выраженной жаром огня.

Итак, метод, примененный Хомбергом, раскрытый всему научному сообществу того времени на хризопее, если мы рассмотрим, его происхождение могло быть в технике **Гастона Дюкло**, которая, по мнению Бехера, аналогична. Потому что они оба переваривают специально приготовленную или «оживленную» ртуть в красный порошок; оба получают золото из красной пыли; оба смешивают свежую ртуть с красным порошком, чтобы получить больше золота.

Но если копнуть глубже, то действительно Хомберг, как я уже упоминал, был вдохновлен работами Филалета и Бойля (с которыми он, как я уже упоминал, обменивался процессом «одушевленной ртути» в обмен на объяснение того, как производится фосфор).

Теперь процесс **Филалета (Джордж Старки)** и его эволюцию в меркуриалистский процесс изготовления **философского камня** следует проследить до **работы Александра фон Сухтена** 16-го века « **Мистерия антимонии** ».

И переходя к тому, что **сделал Старки**, о чем он не упоминает в своем трактате о Филалетее, написанном довольно загадочно, в своих бортовых журналах он добрее к процессу.

Старкет сплавил сурьму (стибнит, местную сурьмяную руду) с железом, чтобы получить **военную сурьму regulus**.

Затем он сплавил этот регул с двумя частями серебра, которые в своей работе **Филалетео** он объяснил как «*голуби Дианы*». Он смешал полученный сплав серебра и сурьмы с ртутью, а затем нагрел его, измельчил, промыл амальгаму и, наконец, перегнал ртуть. В своей алхимической работе он называет каждую дистилляцию «орлом» (потому что ртуть летит из стороны в сторону).

Затем Старки смешал дистиллированную ртуть с большим количеством сплава серебра и сурьмы и повторил процесс. После 7-10 повторений («орлов») ртуть была достаточно «оживлена» или «очищена», чтобы стать **Философским Меркурием**, необходимым для изготовления **Философского Камня**.

В 1654 году **Старки** заменил серебро медью, чтобы сделать процесс менее дорогим. Цель любого металла очень практическая. Хотя ртуть довольно легко амальгамируется с большинством металлов (кроме железа), она обычно не амальгамируется с сурьмой. Легирование сурьмы сначала серебром или медью позволяет осуществить амальгамацию.

В одной из записных книжек Старки указано, что позже он пытался использовать боевой регул без серебра и меди, надеясь соединить его непосредственно с ртутью, но это не сработало. И что еще хуже: колба взорвалась, когда он сильно ее нагрел.

В записной книжке 1656 года он записывает, что был недоволен использованием железа в процессе, вероятно, потому, что его предыдущие **философские ртути** не смогли создать **философский камень**, и он **решил использовать сурьму, приготовленную без использования железа**.

Само собой разумеется, что это последнее изменение не появляется в текстах **Филалета** (его alter ego), написанных до 1656 г., и фактически подрывает его неоднократные утверждения о железе как о ключевом ингредиенте.

После смерти Старки в 1665 году записная книжка, содержащая это последнее новшество без железа, оказалась в руках **Роберта Бойля** и была заново открыта в 1995 году **Накласом**.

Теперь Хомберг знал обо всех способах, которыми **Филалетей** подготовил свой «**Философский Меркурий**», включая *неопубликованные процессы*, благодаря своей дружбе с Бойлем, и внес свои дальнейшие коррективы в этот процесс.

В своем учебнике 1690-х годов он описывает свою измененную версию процесса Филалета, в котором Хомберг смешивает сурьму Regulus (сделанную без железа) с ртутью с помощью довольно опасного метода заливки 1 фунта расплавленной сурьмы в 3 фунта ртути, нагретой почти до точки кипения. .

И он указывает, что он также проделал эту тонкую операцию с «медным регулом» и «серебряным регулом», потому что «**я сомневался, что амальгама может быть сделана без посредника какого-либо металла. Но я увидел с помощью приведенных здесь средств, что ртуть соединяется с чистой сурьмой regulus, как если бы regulus соединился с каким-то металлом**».

Вполне вероятно, что Хомберг изучил последние уловки Старки (уникальное использование обычного регула) благодаря своей дружбе с Бойлем, который хранил документы Старки, когда он умер.

Техника заливки расплавленной сурьмы в почти кипящую ртуть в железной ступке кажется нововведением Хомберга, но также упоминается Старки в его заметках.

Теперь первым методом Старки, популяризированным под его псевдонимом Филалетус, было использование серебра (**знаменитых голубей Дианы**), и он был передан Бойлю в 1651 году; затем он попробовал медь и, наконец, ни с чем на сурьме. И кажется, что результат был похожим.

Гомберг со всей искренностью писал, что в 1690-х гг.

«Эту операцию я производил много раз, не только с намерением проследить все работы Филалета, но и испытать ртуть, приготовленную в известных операциях над ртутью, так как я видел, что ртуть, очищенная таким образом, действительно отличается от обычной ртути и более активна».

Хомберг был свидетелем многих эффектов, которые **«я не наблюдал в обычной ртути»** , и что, когда известные ртутные лекарства были приготовлены с использованием этой ртути, а не с использованием обычной ртути, лекарства действовали сильнее.

Что касается хризопеи, он признается, что:

«Я не смог ни открыть ни достоинств, которые приписывает ему Филалетей, ни выполнить всю процедуру, которую он дает нам для этого. Мне удалось получить только первый красный порошок, но мне не удалось каким-либо образом добиться амальгамации этого порошка со свежей ртутью».

Таким образом, Хомберг ясно признает свои неоднократные попытки изготовить **философский камень** с помощью процесса Филалета. И, несмотря на препятствия, снова и снова возвращался к процессу, видоизменяя его в надежде на успех.

Еще одно необычное свойство ртути, обработанной таким образом, заключается в том, что она обладает способностью при определенных подходящих условиях растить металлы, подобно металлическим деревьям.

Об этом упоминали и Старки, и Бойл, и засвидетельствовал это **Лоуренс Принсипи** , который воспроизвел процесс в современной лаборатории (**« Аппарат и воспроизводимость в алхимии»**) .

Но Хомберг также был свидетелем этого поразительного явления и мимоходом упомянул его в статье о **металлической растительности**. Там он упоминает растительность, отличную от известной с солями серебра или силикатами, популяризированную **Иоганном Рудольфом Глаубером** . В своем случае он упоминает, что использовал запечатанный контейнер, в который вводил смесь серебра или золота с ртутью, **« хорошо очищенной шестью или семью различными сублимациями »** , очевидно, не говоря, что это была **философская ртуть Филалтея**, но рассматривая процесс теперь мы можем идентифицировать как то же самое.

Он проиллюстрировал эту растительность рисунком, чтобы визуализировать то, что произошло в его запечатанной колбе:

В 1700 году Хомберг опубликовал процесс изготовления **Философского Меркурия**, не дав подробностей о нем, не говоря уже об упоминании основы в алхимическом корпусе. Бойль сделал то же самое в 1676 году в своих «**Философских трудах**», когда говорил о своей **раскаленной ртути**, той самой субстанции, которая изменила свое имя, чтобы скрыть ее среди химиков и быть признанной среди алхимиков.

Но особенности этой ртути кажутся необыкновенными. Например, Гомберг повторял, что, собрав 12 унций «**сурьмяной ртути**» (название, данное смеси жидкой ртути и сурьмы, смешанных в железной ступке), он заявил, что она более серниста, чем обычная ртуть, и, что странно, когда серебряная ложка натирают этой ртутью, она мгновенно становится золотой.

Эта деталь подрумянивания ложки как доказательство «философской» природы ртути уже упоминалась **фон Зухтеном** и упоминалась **Бойлем** и **Старки**.

Но не все согласились с работой Хомберга. Особенно **Лемери**, который был откровенным противником трансмутации. В своем тексте **Cours de Quimie 1679** года он уже обращается к этой проблеме и пытается ее критиковать. Это вызвало у него несколько столкновений с Хомбергом.

Но Хомберг не только изложил свой процесс, но и сказал, что его руководство основано на трудах Филальтея (он не упомянул Бойля или Старки) и что ртуть не только обладает необычайными свойствами, но и может даже превращаться в **poudre rouge** (красный порошок).

Позже Хомберг продолжил работу над методами трансмутации, поддерживаемыми **Пале-Рояль** и его покровителем **Фелипе II**, в тесном сотрудничестве с принцем.

В результате этого сотрудничества появился комментарий матери принца, **Элизабет Шарлотты**:

«Граф де Носе и шевалье де Бетюн рассказали, что видели, как однажды во внутренней лаборатории Пале-Рояля происходило превращение ртути в золото. Это было сделано путем распыления определенного количества красного порошка, приготовленного как принцем, так и его художниками. Но, уверившись в возможности трансмутации, он не пожелал продолжать какие-либо исследования на этот счет. Мистер Гроссе, который был помощником мистера Хомберга, подтвердил мне этот факт, но он никогда не входил в тайное место проведения основной операции».

Это означает, что Фелипе научил трансмутации нескольких друзей, которые впоследствии стали свидетелями этих событий.

И ясно, что когда он говорит, что ее готовил князь со своими художниками, он имеет в виду Гомберга и его помощников. И самое громкое, что произошло в «секретном месте».

Известно, что **Пале-Рояль** был разделен на секции, и в самых закрытых и частных проводился этот эксперимент, куда посетителей не пускали.

Вполне вероятно, что это место было специально предназначено для операций, связанных с металлической трансмутацией. Или, по крайней мере, зарезервировано для него.

Когда партнерство князя с Хомбергом было установлено, последний еще не успел образовать Филалетейский «**Камень философов**». Он перепробовал все: сплавлял сурьму с медью, серебром, одним и даже с золотом (теперь, когда у него был могущественный покровитель). Но это не удалось.

Сам князь в разгар военной кампании в Мадрид прислал ему рецепты хризопеи для пробы Хомбергу, настолько они были связаны с одной идеей.

Но не было дела. Он знал, как приготовить **Философский Меркурий**, но не превратить его в **Философский**

Камень. Он решил изменить «рецепты», которые прислал ему принц, и более философски адаптировать их к рецептам Филафея.

Эти изменения включали фундаментальную переинтерпретацию голубей Дианы и орлов.

Хомберг предположил, что **голуби Дианы** на самом деле состояли не из двух частей серебра (как недвусмысленно сказал Старки), а скорее из **селитры** и **поваренной соли**, то есть **нитрата калия и хлорида натрия**.

И, конечно же, при обработке ртути обеими солями получается **сублимированная ртуть**, то есть **хлорид ртути**. Продолжая эту интерпретацию, Хомберг решил, что орлы больше не являются последовательными дистилляциями «ртути из сурьмы», а скорее последовательными комбинациями сублимированной ртути с регулом.

Для каждого орла Хомберг нагревал сублимированную ртуть с регулусом сурьмы, в результате чего **сурьмяное масло** (трихлорид сурьмы) прорастало, а затем **«оживала ртуть»**.

Эту возрожденную ртуть он обработал большим количеством нитрометана и соли, чтобы превратить ее обратно в сублимированную ртуть, которую затем снова соединил с сурьмой regulus. И он повторил всю эту операцию 10 раз, чтобы гарантировать себе 10 орлов.

В конце концов, ртуть пахла по-другому и увеличилась в плотности. Но убежденный, что нитро и соль играют фундаментальную роль, он снова повторил процесс, что привело к третьему Меркурию Филалета.

И ему пришло в голову растворить ртуть в **азотной кислоте** (азотном растворе), а затем добавить поваренную соль, что дало белый осадок.

Именно этот осадок он смешал с сурьмой regulus, которая при нагревании дала сурьмяное масло, черное, как тушь, и которое он перегнал, а затем ожившую ртуть.

Эту возрожденную ртуть он растворил в азотной кислоте, смешав соль, и нагрел новый осадок с сурьмой. После четырех повторений его первоначальные 2 фунта ртути упали до 5 унций.

Другими словами: 85% ртути улетучилось.

Это огромное количество потерянной ртути заставило Хомберга переосмыслить то, что он делал. И в итоге отказался. Ключ к исчезновению ртути был в соли: она не осаждала все, а растворенная ртуть оставалась в растворе, который отбросил Хомберг.

Но он не остановился и вернулся к переосмыслению текста Филалетея, на этот раз его прикроватной книги и тетрадей Старки, который ведь знал, что он автор всего произведения.

Теперь труды ученика Гомберга начали оспаривать теорию о том, что ртуть является первичным веществом всех металлов. **Жоффруа** обнаружил, что даже в золе есть следы железа, поэтому он задавался вопросом, как это могло быть началом металлов, если в глине, масле или самих растениях было железо и они производили железо. Была ли ртуть компонентом железа?

Был ли это принцип, который заключал в себе всю материю, или не что иное, как флюид, являющийся результатом определенного действия природы?

Жоффруа выразил эти естественные сомнения, но скрыл их до того, как они были опубликованы, вероятно, потому, что они противоречили теориям знаменитого Гомберга, который был его наставником.

Но в своих более поздних работах он сказал бы, что в основе всех металлов лежит не ртуть, а «земля, способная к стеклованию», идея, которую он взял из работы Бехера в его **Physica Subterranea**. Эта остаточная земля, которая остается в металлах, вероятно, связана с принципом воспламеняемости, то есть принципом серы. И каждый металл оставляет после себя эту «землю». А например, в случае с серебром он красный. Это

«красная земля».

И, конечно, он также отверг бы концепцию Гомберга о характере света как о «тонком принципе Серы» и его способности объединяться с обычной материей, увеличивая ее вес.

Но это было опробовано и испытано Хомбергом с [его мощная линза света](#). Свет, закрепленный в виде металлической серы, падающий на серебро, как он продемонстрировал в мае 1702 года, окрашивает серебряный металл в желтый цвет. Логика была безупречной: если в золоте больше серы, чем в серебре, то оно идеально, **добавление большего количества серы должно превратить серебро в золото**. И солнечная сера как бы подтверждала это предположение.

Со временем ученик Хомберга, то есть Жоффруа, понял, что его учитель был прав. Хомберг решил дилемму оставшейся земли металлов последовательным и экспериментальным путем: ртуть и металлическая земля на самом деле одно и то же. В зависимости от состояния своих частиц ртуть будет жидким металлом, компонентом твердых металлов или почвой.

Таким образом, составляющая основа металлов — ртуть — оставалась для Гомберга, и его ученик Жоффруа мог одновременно и не противореча Гомбергу утверждать, что основой металлов является земля. Все отличие заключалось в составе металлов.

Жоффруа продолжил обширные исследования исходных материалов для **Философского камня**, среди которых он нашел свинец, особенно неочищенную свинцовую руду. Его биограф резюмировал это так: **«свинец — материал для философского камня»**, по словам Жоффруа в старости.

Однако примерно в это же время при поддержке **Людовика XIV** правительственные министры начали охоту на персонажей, которые утверждали, что владеют секретом хризопеи и экзотических эликсиров. И хотя видимость заключалась в том, чтобы искоренить этих *лживых и мошеннических людей*, на самом деле они стремились определить среди этих персонажей тех, кто действительно обладал достоверными знаниями о трансмутации и мог принести пользу французскому государству.

Но они нашли только разочарование и неприятное знание самой подлой человеческой природы. Вместе с этим выросло всеобщее неприятие хризопеи и тех, кто над ней работал: все они были мошенниками.

Десятки людей были расследованы, арестованы и допрошены об их деятельности по поиску **Философского Камня**. И любой, кто интересовался трансмутацией, автоматически становился потенциальным преступником или правонарушителем.

Здесь происходит, около 1720 года, окончательное изгнание и разделение между алхимией и химией, которые никогда больше не примирятся. Один возвысится с престижем над другим, похоронив алхимию как продукт прошлого жадных до золота изворотливых людей.

И все же это было не так. Это были искренние и простые поиски лекарств, эликсиров и материалов для трансмутации, потому что в какой-то момент истории эти понятия смешались в **Философском камне, гибриде арабов, китайцев и египтян**.

Например, есть случай с **Клодом Жаном Батистом Виале**, который был арестован в 1702 году и снова в 1704 году. Его расспрашивали о том, что он знал о **философском камне** и каких успехов он добился. Мудрец ответил, что после 40 лет работы и затрат от 10 до 12 тысяч экю он сдался.

То же самое продолжалось и в тюрьме. А через месяц, когда его снова допрашивают, он признается, что единственной ценной вещью, которую он нашел, было **питьевое золото**, продлевающее жизнь и здоровье, но он употребил его только на себя, кроме того немногого, что отдал лекару Принца, **Гельвеций** (сын того, кто стал бы свидетелем одной из самых задокументированных трансмутаций, до такой степени, что это заинтересовало философа **Баруха Спинозу**).

Расспросив его о том, как приготовить такое лекарство, его через полтора месяца отпустили в Бастилию.

Возможно, это питьевое золото и было тем, чем заявлял его создатель, потому что, когда его арестовали во второй раз, ему было 93 года, и он все еще был великолепен.

Здесь мы снова видим, как **Философский камень** был хризопеей, а **медицина пошла по другому пути : питьевое золото** . Это было не одно и то же. Сквозь века и возникшие заблуждения современные алхимики убеждены в трех вещах:

1. Что Камень — это все: и панацея, и порошок для трансмутации.
2. Что Камень добывается, что сам человек преобразается
3. Эта алхимия - духовный процесс

Но на самом деле, как мы видели, это было очень трудно достижимое научное знание, смешанное со сплавами, окрашенными металлами, которые имитировали или выглядели как золото, и попыткой катализировать обычные металлы веществом.

Арабы «пожертвовали» своим сбором или работой с овощами и животными материалами, отвергнутыми жителями Запада, которые больше сосредоточились на хризопее. И все же позже алхимики также воспользовались этими арабскими знаниями для своего **питьевого золота и тайных эликсиров** (препараты, основу которых можно было бы назвать овощами, и их производные, такие как [ликер](#))

А духовное?

Духовное пришло из тех времен, когда два персонажа сожгли свои книги по алхимии на глазах у толпы, заявив, что делают это потому, что передаваемая в них тайна очень важна и не все были готовы.

К тому времени уже ходили копии его работ, где объяснялось, что алхимический процесс имеет духовный аналог, и поэтому дела не ладятся. Простой способ объяснить, почему они не понимали тарбарщину рецептов. Это так же забавно, как думать, что если мы не получаем домашнего пудинга, то это потому, что отсутствует его духовная копия, вместо того, чтобы проверять ингредиенты и температуру, которую необходимо применить.

Там зародилась духовная алхимия, которую Канселье вновь подтвердил в прологе к « **Тайне соборов** ». [Фулканелли](#) .

Вы можете соглашаться или не соглашаться с тем, что я говорю, но это основано на проверенных архивами исторических данных. И с этим больше нечего делать.

А что стало с Хомбергом?

В **Пале-Рояле** кажется, что он наконец-то осуществил заветную трансмутацию. Он так и не объяснил процесс, но сказал, что полученное золото было скудным по сравнению с тем, насколько трудоемким был процесс (и даже опасным). Его последние годы едва не закончились в Бастилии, потому что его обвинили в отравлении королевских дельфинов.

Он сбежал из-за своего высокого авторитета, безупречной репутации и контактов с королем. Он был грозной легендой с завидными человеческими способностями и интеллектом. Мало кто сегодня может похвастаться тем, что находится на его высоте.

Гомберг был последним звеном между химией и алхимией. И их работы раскрывают знания, которых многим может не хватать для достижения того, к чему они стремятся.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУАНА ДЕ РУПЕШИССА (ИЛИ ЖАНА ДЕ РОКЕТАЙЛАДА, ИЛИ ХУАНА ДЕ РОКАТАЛЛАДА)

Этот человек родился в 310 году в **Оверни**, в центральной Франции. Как верующий в грядущие пророчества и как сторонник спиритуалистических движений, он верил, что антихрист должен появиться на земле.

И на такой идее он основывал свои поиски хризопеи и лекарства для продления жизни. Он был арестован в **1344** году, потому что церковные власти считали движение, в котором он участвовал, не вызывающим доверия. И с этого года до конца своей жизни он будет заключенным.

Находясь в заключении, он берется за перо и пишет свои книги по алхимии. И вскоре его слава разносится по всему королевству. Хотя в своих книгах он описывает муки, в которые он был погружен в тюрьме, заключение, по крайней мере, дало ему пергамент и чернила для создания его знаменитых алхимических манускриптов.

Его сочинения копировались, распространялись и сохранились до четырнадцатого и пятнадцатого веков. Идеалом Хуана было абсолютное обязательство вести скромную жизнь и даже смириться с бедностью. Непонятно было бы, как такому человеку дано идти в хризопею, если бы его к этому не вынуждала его вера в пришествие антихриста.

В своей книге **Liber Lucis**, написанной в **1350** году, он утверждает, что:

«Я размышлял о грядущих временах, предсказанных Христом в Евангелиях, а именно о скорбях во времена Антихриста, при которых Римская Церковь будет мучиться и все ее мирские богатства будут расхищены тиранами... таким образом, для ради освобождения избранному народу Божию, которому дано познать служение Божие и учительство истины, хочу без высокомерия говорить о работе Камня великих философов. Мое намерение состоит в том, чтобы быть полезным на благо Святой Римской Церкви и вкратце разъяснить всю правду о Камне».

Понятно, что помощь, которую он собирался оказать Церкви, когда пришел антихрист, была алхимия. Мысль, которая была и у другого монаха-францисканца **Роджера Бэкона**, который написал об этом своему отцу, предупреждая, что церкви потребуются математические, научные, технологические, медицинские и все виды знаний, чтобы противостоять и пережить нападение Антихриста.

Вот почему Хуан **дает подробный рецепт** изготовления **Философского камня** .

И он утверждает, что она должна быть сделана из специально очищенной ртути и из философской серы. Он говорит не о мистическом или тайном ртути, а о **вульгарном** , но очень очищенном.

Отсюда **представление о том, что Камень состоял из серы и ртути** , станет общепринятым в Европе.

Ну, как я уже сказал, он употребляет обычную ртуть, которую тщательно очищает от примесей, а серу получает из **римского купороса** , то есть **железного купороса** .

Хуан сначала описывает серию возгонок ртути с купоросом и селитрой, за которыми последовали различные переваривания и перегонки.

Несмотря на очень подробные данные, его инструкция не сработала бы, если бы ее применяли на практике, потому что отсутствует фундаментальная деталь: **хлорид натрия**, о котором он не упоминает в своем письме, но в конце заявляет, что « *Весь секрет в том, в соли* ».

Он описывает, что он сублимирует « *белоснежную* » ртуть , которая, несомненно, является **хлоридом ртути**,

что говорит нам о том, что **хлорид натрия, поваренная соль, должен был быть включен в исходную смесь** .

340030

Это правда, что селитра Хуана была загрязнена большим количеством поваренной соли. Фактически, в его **De Confectione** в конце есть примечание, где он указывает на тот факт, что селитра обычно содержит соль.

Технические и лабораторные знания, вытекающие из его сочинений, достойны восхищения, и любой историк алхимической науки должен быть впечатлен уровнем знаний о весах, мерах и реакциях.

Это правда: после определенного момента то, что описывает Хуан, уже не может быть использовано современным химиком, потому что результаты и операции не соответствуют тому, что предсказала бы современная химия. И хотя **Хуан проводит аналогию между алхимическими операциями и теологией страстей Христовых** , он не умаляет истинности происходящих реакций.

A IVON.

PAR 1 E A N DE T O UNES. M°. D. XLIX.

A*KC Πλαίινζε ζυ Roy πο^ 4x1 W,

Некоторые из них были вдохновлены трактатом псевдо- **Арнальдо де Виланова** , известным как **Tractatus Parabolicus** .

Теперь, находясь в тюрьме, Хуан написал еще одну важную работу по алхимии. О рассмотрении **квинтэссенции всех вещей** . Этим он распространил алхимию на новую область: **медицину** .

Он думал, что во время правления антихриста христианам понадобится не только золото, но и полное здоровье. Так, Хуан рассказывает, как он искал вещество, которое могло бы предотвратить разложение и разложение и, таким образом, предохранить **тело от болезней и преждевременного старения** .

Где вы нашли такое вещество?

Не что иное, как **дистиллят вина** , который он называл «горящей водой» или «водой жизни» и который мы знаем под именем [выпивка](#) .

Иоанн считал эту «пятую сущность» вина лекарством, призванным помочь христианам, когда придет антихрист. Но это выходит далеко за пределы того времени, когда [Его спирты уже были дистиллированы из вин](#) , но он используется для приготовления лечебных настоек путем погружения трав, из которых он извлекает свои активные ингредиенты.

Он также учит приготовлению **золотого эликсира со спиртом** , лечебные свойства которого в то время не вызывали сомнений.

Именно благодаря этим работам Хуана алхимия и медицина с тех пор будут тесно связаны навсегда. Понятие хризопеи останется, но также и понятие эликсира для продления жизни, улучшения здоровья и восстановления энергии.

Вскоре после этих событий анонимный автор скопировал многие части работы Хуана, которые разошлись по всему миру, и написал [рукопись](#) , известная как **Книга Тайн Природы или Квинтэссенции** . Его внимание, в отличие от Джона, было сосредоточено на хризопее, а не на медицине. И добыча квинтэссенции была лишь шагом к **Философскому камню** .

Таким образом, пока Хуан искал неподкупную квинтэссенцию в качестве консерванта для здоровья человека; Этот новый автор не интересовался ничем иным, как приданием металлам нетленности и превращению их всех в подобные золоту.

Книга была подписана **Рамоном Луллием** (1232-1315).

Но он был не настоящим каталонским теологом и философом, написавшим много против алхимии, а скорее анонимным автором, узурпировавшим его имя, чтобы защитить «благородную науку». И поэтому он продолжал писать, будучи, возможно, величайшим из всех **«Заветов»**, написанным в 1332 году и который, что невероятно, сегодня покоится в моей библиотеке в превосходнейшем переводе алхимика **Сантьяго Джубани**.

Но что же сделал этот псевдо-Ллул?

На самом деле, он распространил идею о том, что **Философский камень**, который до этого был мифическим материалом для достижения алхимических трансмутаций, также даровал здоровье. Это было *«лекарство людей и металлов»*.

И здесь концепции китайской (или восточной) алхимии, заикленной на достижении [таблетка бессмертия](#) земное, нечто очень далекое от европейской алхимии, но когда смешались разные культуры и понятия, вдруг все сконденсировалось в ту материю, способную превращать металлы, называемую **Философским камнем**, и эта путаница продолжается до сих пор.

Итак, легенды о жизни **Рамона Луллия** начали возникать в начале пятнадцатого века. Говорят, что он был настроен скептически и стал сторонником алхимии. То, что любовник умирает от ужасного рака, открыло тайны природы. Говорят, что перед **королем Эдуардом он** превратил 22 тонны свинца в чистое золото, а позже был заключен в тюрьму, и с золотом король вторгся во Францию.

Однако ни одно из этих событий не является доказательством. Вторжение во Францию — это правда. Но на самом деле, когда Ллул умер, королю Эдуарду было 3 года, поэтому мы сомневаемся, что он мог финансировать его и быть его покровителем и тюремщиком.

Но помимо достоверности истории, хрисопеяне использовали историю Луллия, чтобы умолчать об алхимических знаниях. Не закончите как бедняга Ллулль.

Мне понравилось рассказывать эту историю, потому что почти все знают **Рамона Лулля**, но многие ли знают Хуана Де Рокатальяду?

Настало время реабилитировать узника, из чьих текстов **черпал псевдо-Рамон Луллий**. Этот бедняга, чья

мудрость была завидной для того времени, почти не упоминается в алхимическом корпусе. Это тень рядом с фальшивомонетчиком, который сегодня носит имя **Рамон Лулл**, имя, которое также неправильно приписывают.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ: НАЧАЛО АЛХИМИИ

Историки науки обычно делят историю западной алхимии на три основных хронологических периода: **греко-египетский** (позже византийский), протянувшийся с 3-го по 9-й век и ознаменовавший его для потомков; **араб или ислам** (с 8 по 15 век), которые унаследовали ее и увеличили с помощью методов и практических знаний, что привело ее в средневековую Европу как «арабскую науку» (фактически, именно отсюда происходит артикль **Ал** - в **алхимии** для обозначения все, что арабского происхождения).

И затем есть **латино-европейский период**: здесь он достиг своего апогея или золотого века (с 16 по 18 века) в эпоху, известную как научная революция. Алхимия того времени была самой развитой и разнообразной из всех и обладала самыми большими источниками информации.

К этим трем периодам мы должны добавить **четвертый период**: тот, который дошел до наших дней.

Восточная (китайская/индийская) алхимия - это отдельный пункт. Каждый раз, когда была попытка смешать с западной, возникала путаница. Например: ошибочное европейское представление об **эликсире бессмертия**, идея, которая стала популярной, но является ложной, потому что, хотя западные алхимики были привержены лекарствам для продления жизни или лечения болезней, поиск земного бессмертия посредством алхимии был исключительно китайским делом.

Современная алхимия распространилась далеко за пределы темных и секретных лабораторий: она перешла к художникам, поэтам, гуманистам, драматургам, теологам и т. д.

И дело в том, что изучение алхимии обладало замечательным и богатым видением смысла мира; то, что сегодня мы, к сожалению, потеряли. Но это видение мира было чем-то не самой алхимии, а европейской культуры того времени, которая пропитала алхимию такими видениями. В конце концов, ренессанс был открытием не просто так; как говорит уважаемый **Андахази** в своей работе **«Анатомист»**, это была *«весна взгляда»*.

Но если мы посмотрим на ранние дни алхимии, еще в далеком Египте после пирамид и их фараонов, идея ремесленников, интересующихся этой наукой, заключалась в **манипулировании металлами или драгоценными камнями**, используя обычные металлы и камни, которые они пробовали выдать за благородный или драгоценный.

Благородное искусство, как называлась алхимия и восходит к тому времени, на самом деле было связано с Искусством благородных металлов. И есть несколько рецептов, которые объясняют, как красить металлы, притворяясь золотом (которым они, конечно, не являются).

В папирусах **Лейдена** и **Упсалы** имеется соответственно 111 и 152 рецепта, относящихся к сплавам, припоям, краскам разных цветов и на разных материалах, письму золотом и серебром, фальсификации драгоценных камней, подмене богатых металлов и анализу сплавов.

Это означает, что авторы первых трактатов по алхимии заимствовали приемы, процессы и инструменты у самых разных современных ремесленников, но хотя и делали это, но видели себя отдельной группой этих ремесленников, приобретающей в будущем самостоятельную идентичность. 3 век.

Это произошло потому, что в середине был философский субстрат, в котором поднимались безответные вопросы: что такое материя? Как одна вещь превращается в другую? Греческое наследие (по крайней мере, за 700 лет до возникновения алхимии), которое нуждалось в практических ремесленных знаниях (взятых из рецептов древних ремесленников). Так родилась настоящая алхимия. Из этого пересечения идей и поисков.

Первым мыслителем, упоминаемым в традиции, был **Фалес Милетский** (VI в. до н. э.), утверждавший, что все разные субстанции, окружающие нас, на самом деле являются модификациями одной первичной субстанции — **воды**.

Но именно **Эмпедокл** (495-435 гг. до н.э.) предложил четыре корня вещей, и оттуда пришло представление о 4 элементах: **воздухе, земле, воде и огне**.

Тем не менее, большинство философов принимали идею о том, что под изменяющимся внешним видом вещей скрывается невидимый и неизменный субстрат, своего рода душа. Это представление о том, что в основе всего лежит одна субстанция, называется **монизмом**.

Для **Фалеса** это была вода; для **Демокрита** атомы; для **Аристотеля** то, что он называл «первой материей» или «сырьем». Единственным, кто вышел из этой линии, был **Эмпедокл** с его множественностью элементов.

Из этих концепций, философии и мастерства смешались бы традиции алхимии, которые видны в ранних текстах, в которых говорится о хризопее. И из всех наиболее почитаемым и авторитетным для остальных был **Зосима Панопольский**.

Мы знаем, что он не был первым Крисопеяно, потому что он сам цитирует предыдущих референтов, но можно сказать, что он был самым почитаемым. Он был активен около **300 г. н.э.** в городе **Панополис**, ныне известном как **Ахмим**.

И что **Зосима** искал в алхимии? Эликсир? Понимание Вселенной?

Нет. Что-то более простое и приземленное.

Зосима был ориентирован на главную цель: **трансмутацию металлов**. И он искал средства для преодоления этого вызова.

Правда, в своих сочинениях он обычно цитирует кого-то, кто действительно помогал ему во всем, что было осуществлено на практике, и этим человеком является **Мария** Иудейка: Зосима приписывает разработку самых разнообразных устройств и техник ей. Ну, из него мы знаем знаменитую **Bain Maria**. Это изобретение сохранилось благодаря древнему алхимику, который придавал неограниченное значение своей лабораторной работе.

самых популярных устройств **Зосимы** был **Керотаки**, предназначенный для воздействия паров одного материала на другой. На самом деле, он очень интересовался пароходами. Но не так, как можно было бы себе представить, а ради трансмутации.

Потому что было известно, унаследованное от древних мастеров, что воздействие паров каламина, цинкосодержащей земли, могло превратить медь в латунь, еще более позолотив ее. Пары ртути и мышьяка окрашивали медь в серебристый цвет.

Очень вероятно, что знание того, как этот вид паров влияет на материалы, заставило их долгое время экспериментировать с ними и их устройством, специально разработанным для этого.

У Зосимы была идея, что металлы имеют душу и поэтому состоят из летучей и нелетучей частей. В летучесть пойдет цвет и особые свойства металла.

Это был бы союз тех духов или летучих частей, которые позволили бы трансмутировать при введении в другие

металлы. Своего рода владение вульгарным металлом духом благородного.

Зосима был очень наблюдательным и критическим в том, что он делал. А окрашивание металлов он называет **трансмутацией**. В нем используется именно слово **Varph**, от глагола **varhein**, что означает погружать или красить.

И именно «красителем» он называет средство, способное окрашивать или окрашивать.

Здесь можно увидеть влияние, которое оказали на него рецепты, унаследованные от древнеегипетских мастеров, целью которых было окрашивание металлов и выдача их за ценные и подлинные благородные металлы.

А среди его работ мы находим знаменитую **«серную воду»** первобытных египетских ювелиров, которая, кстати, использовала ее только для окрашивания металлов в золото и которую испытал в своей лаборатории специалист **Лоуренс Принцип**, которой Зосима приписывает настоящую трансмутацию. и, следовательно, то, чего он всегда добивался и что теперь ему было удобно хранить в тайне.

Зосиме нравится скрывать название этой субстанции, способной к превращению. К чему он присовокупляет название **божественной воды** (когда она была известна как **серная вода**)

В одном из отрывков он описывает ее как гермафродита, того, кто не является ни металлом, ни водой и всегда находится в движении, того, кто представляет собой серебряную воду и т. д.

Действительно, как он сам ответственен за заявление, авторы -алхимики *«называют одну вещь многими разными именами, в то время как они называют многие вещи одним именем».*

И каков был состав той **Серной Воды**, способной превращать одно вещество в другое или хотя бы окрашивать? (не забываем, что **трансмутация была краской**)

Он находится в **Лейденском папирусе**, где выражено открытие **сернистой воды**.

«Окись кальция, 1,7 грамма. Сера, предварительно измельченная, равное количество. Соедините их в контейнере. Добавьте уксус или мочу молодого человека; затем нагревайте снизу, пока жидкость не станет похожа на кровь. Отфильтруйте осадок и используйте его в чистом виде.

Ученый **Принцип** применил его на практике, и после осторожного кипячения в течение часа образовалась оранжево-красная жидкость с неприятным запахом.

лейденском папирусе не было сказано, как пользоваться жидкостью, он сразу догадался.

Он погрузил серебряный предмет, и с небольшой практикой и контролем температуры предмет удивительно превратился в золото. Так:

Как он меняет цвет?

Это связано с тем, что на поверхности металла образуются очень тонкие слои сульфидов из-за действия полисульфидов кальция, присутствующих в этой **«серной воде»**.

Что такое окрашивание металла, **Зосима** толковал как нечто более трансцендентное, и в этом качестве зашифровывал, сбивая с толку своих читателей, подразумевая, что владеет тайной превращения вульгарных металлов в золото.

Зосиме приписывают создание знаменитого Decknamen , или **кодового** названия, которым называли вещество, разделявшее какое-либо свойство, буквальную или метафорическую связь с предполагаемым веществом. Использование знаменитых слов « **наша** », « **наша вода** », « **наш свинец** » намекает именно на это.

Например, в случае с **нашим свинцом** он связан с минералом сурьмой, потому что это вещество имеет некоторые общие свойства со свинцом.

Через **Decknames** хранилась тайна, но в то же время образованные люди были скрытно проинформированы о том, как обстоят дела, если они были способны расшифровать систему.

Этот аллегорический язык станет общей чертой алхимического письма и будет преобладать в работах европейских алхимиков четырнадцатого века.

СЛОВО АЛХИМИЯ

Значение слова алхимия можно проследить еще в Египте. И это слово могло означать **черную землю** , так как именно так назывался Египет в честь ила Нила.

Но так как это слово имеет греческое происхождение, так как они уже воспользовались знаниями египетских ремесленников, чтобы придать ему философский формат, вполне вероятно, что оно имеет интерпретацию из этого языка.

Оттуда его можно было перевести на **chemeia** , что буквально означает «**Искусство слияния**» . Арабы добавили бы артикль **Al** , чтобы обозначить вещь, « **The** ».

Идея, преобладавшая в алхимии, всегда заключалась в сведении металла к его первичной материи, потому что, согласно алхимическому корпусу, все они имели бы в своей основе одну и ту же сущность или вещь.

Олимпиодорос , писатель 6-го века, является тем, кто установил эту идею, говоря об общей для всех материи металлов, которая, в зависимости от того, где она произведена, дает начало различным металлам. Поэтому, писал он, трансмутация есть

это сведение металла к его «обычной металлической материи», а затем введение качеств желаемого металла (то, что называется ориентацией металла).

Очевидно, это преобладает в идее древних и современных алхимиков: одно может стать другим, потому что на глубочайшем уровне они действительно одинаковы.

Алхимия, взятая арабским миром, обогащается субстратом знаний, науки, математики, медицины, которые, несомненно, поразили бы алхимиков-предшественников средневековой Европы XII века.

Однако по прошествии столетий арабская колыбель исказилась до такой степени, что имена наиболее известных арабских авторов были перепутаны, забыты или даже забыты.

То, что заставляет сегодня продолжать забывать арабское знание, в основном связано с тем, что мало историков, владеющих арабским языком и, кроме того, интересующихся алхимией.

Изумрудная табличка

Его приписывали **Гермесу Тримесгистро** , авторитет которого был непререкаем и популяризировался среди

арабов и европейцев. Никто не подвергал сомнению ее происхождение, и все же, хотя ее происхождение остается неясным, свидетельства указывают на то, что она была написана в VIII веке и представляет собой арабское сочинение, а не греческое и даже не египетское.

Легенда гласит, что изумрудная табличка была найдена в руках древнего трупа, погребенного в подземной гробнице, спрятанной под статуей **Гермеса Тримегеста**.

Теория серы и ртути

Теория, просуществовавшая дольше всех в истории алхимии, состоит в том, что все металлы состоят из серы и ртути. По крайней мере, до 8 века

Возможно, это связано с наблюдением, что металлы выделяют определенный сернистый запах при интенсивном горении, особенно когда они превращаются в порошок в огне: они выделяют характерный сернистый аромат.

Это наблюдение может поддержать идею о том, что их составляет сера. Олово и свинец, напротив, очень легко плавятся, и это может привести к мысли, что в основе их лежит ртутное вещество.

Те, которые сложнее расплавить, такие как медь или железо, будут иметь меньше этого ртутного компонента в своем ядре.

Факт коррозии или окисления обычных металлов, должно быть, указывал им на то, что они не дотягивают до неизменности золота и серебра. Точнее из золота (потому что серебро со временем образует темный налет).

А теперь давайте подумаем, не могло ли это представление о том, как они видели металлы, породить понятие о сере и ртути и особенно о том рецепте, о котором мы говорили до того, что для **Зосимы** была Живая **Вода**, но называлась она египетских ремесленников **Серная вода** и служила для позолоты металла или «превращения» его в заблуждение первых.

Посмотрите, из чего он состоит, разве это не известь, окись кальция и сера?

Когда вы потребляете (сжигаете) много металла, все они в конце имеют вид извести. Может быть, древние интерпретировали это как ртуть и спрятали в тысячах тарбарщин, составляющих алхимический корпус? И сера, присутствующая во всех вещах, в конце концов, не та нативная, что используется в этой смеси? Моча давала соль, аммоний и все это давало смесь, которая через час образовывала жидкость или красновато-оранжевый краситель, способный окрашивать металлическое золото.

Теперь, когда в Европе была введена алхимия, металлургические и производственные процессы были там хорошо развиты. Ремесленники умели производить вещества, сплавы, пигменты, красители и т. д. Собственно, средневековые рукописи фиксируют именно это, и увековечивают древнюю традицию алхимических рецептов, которую мы уже нашли в **лейденских папирусах**, и в **Physika Kai Mystika**. приписывается псевдо-**Демокриту**.

В средневековом тексте, фактически известном как **Variae Compositions**, датированном 800 годом, действительно есть на латыни слово в слово один из рецептов, записанных в **лейденском папирусе**. То же самое **Clavicula Marrae**.

Когда столетия назад алхимия была заимствована арабами из византийского мира, первые арабские сочинения были написаны под греческими псевдонимами. Теперь и в Европе произошло то же самое: латинские рукописи подписывались арабскими псевдонимами.

Это придавало им определенный авторитет, выдавая их за более старые и даже чужеземные, часть более

развитой культуры. Именно тогда всплывает имя **Гебера** , латинского автора 13 века.

Ее тексты заимствованы, мягко говоря, из трактатов **Джабира** и его « **Семидесяти книг** » , с которыми его путали именно по этой причине. Он даже потрудился приправить текст арабскими фразами, чтобы придать ему еще большую арабскую достоверность. Но это не так.

Все указывает на то, что это был итальянский монах-францисканец по имени **Пабло де Таранто**. Он известен тем, что Павел оставил сочинение, текст которого имеет поразительное сходство по стилю с текстом, приписываемым **Геберу** , а также основан на арабских источниках (**Джабир** и де **Аль-Разис** и его книга, переведенная на латынь под названием **Liber Secretorum**).

Разница между **Гебером** и **Джабиром** в его текстах заключается в том, что, хотя последний утверждает, что вещества животного и растительного происхождения могут быть использованы для изготовления трансмутирующих эликсиров, **Гебер** , как и большинство европейских алхимиков позже, отвергает это: Философский камень должен быть сделан только из минерала. вещества (растительные или животные вещи не попадают на сцену).

Вкратце: когда арабская алхимия переходит в европейскую, все арабские знания затмеваются и отстает философский **камень** , рожденный из минералов, отвергая и забывая все арабские работы с овощами и животными материалами.

Одним из величайших критиков алхимии был **Авиценна** , известный как **Ибн Сина** , который сказал:

«Искусство слабее природы и не может следовать за ней, как бы оно ни старалось; Пусть практикующие алхимию знают, что металлы не могут быть трансмутированы».

Из-за ошибки переписчика этот текст был переведен в текст **Аристотеля** , и с авторизованным словом этого, вся Европа услышала это предложение.

Но вскоре это было опровергнуто логикой и огромным опытом автора книги под названием « **Книга Гермеса** » в начале 13 века. Его автор указывал, что алхимики действительно могли производить некоторые вещества, такие как соли, идентичные тем, которые производятся природой (нет необходимости приводить пример, если производимая сегодня **Vitamica C** отличается от той, которую производят натуральные фрукты).

Другим, кто присоединился, был **Альберт Великий** , **Всеобщий Врач** (1200-1280), но его ученик **Фома Аквинский** был более осторожен, он сказал, что алхимики могут создавать только видимость естественных вещей, и поэтому их золото не является настоящим золотом. То есть это симуляторы.

И все же я позже сказал бы, что алхимики, использующие силы природы и использующие их для производства золота так же, как это делает природа, тогда это золото было бы настоящим золотом.

Но именно голос **Роджера Бэкона** (1214–1294) окончательно отбрасывает идею о том, что искусство слабее природы: напротив, оно сильнее, говорит он. Алхимическое золото лучше природного золота. Человеческие копии природных веществ могут превосходить то, что дает природа. Эта идея доминирует сегодня.

Из-за указов на изготовление или имитацию золота в четырнадцатом веке мы наблюдаем большую секретность и построение связей между алхимией и христианской теологией как способ скрыть секрет или сделать его незамеченным.

А теперь, если мы вспомним древний папирусный рецепт приготовления «**Серной воды**» , мы найдем кое-что интересное в первой иллюстрированной книге по алхимии, известной как **Rosarium philosophorum**.

В этой книге есть два секретных ингредиента, которые известны как **Габрициус** и **Бейя** . Ясно, что имя **Габрициус** происходит от арабского слова, означающего « **сера** », а **Бейя** — от **байя** , что означает **белизна** , что может относиться к **известю**, **оксиду кальция** , которые снова появятся на сцене в компосте **Камня**, **философского**.

Здесь снова два ингредиента, столь популярных в алхимии и превращающих или окрашивающих металлы: сера и известняк, смешанные с мочой.

Распространение алхимии продолжилось после Средневековья и достигло своего полного расцвета в 1500-х и 1700-х годах, известном как научная революция. Это был золотой век алхимии, пока его не очернили и не смешали с некромантией, магией и даже шарлатанскими практиками.

Он должен был умереть, чтобы родилась процветающая химия.

Но в период своего расцвета алхимия сосредоточилась на двух основных вещах: превращении металлов и изготовлении какого-либо лекарства или фармацевтического снадобья, которое боролось со многими свирепствовавшими в то время болезнями.

Итак, в соответствии с концепцией каждого алхимика, некоторые приняли идею о том, что металлы были образованы серой и ртутью, идею, развитую в исламском средневековье; другие, напротив, думали, как утверждал **Парацельс**, что они состоят из трех ингредиентов: серы, ртути и соли. Третьи, более близко придерживаясь аристотелевских идей, предполагали, что металлы (да и вообще все вещества) состоят из одного общего «сырья», которое может принимать множество форм.

Идея металлической трансмутации коренилась бы в этих понятиях и в наблюдении: в рудниках металлы редко встречаются в чистом виде, в них всегда есть немного серебра и немного золота. Это наблюдение навело алхимиков на мысль, что металлы естественным образом превращались под землей в более благородные, а их состав изменялся под действием тепла и подземных вод. Поэтому хризопея должна была совершить на поверхности то, что потребовалось тысячи лет, чтобы совершить в недрах земли.

Еще одно важное наблюдение о действии этого камня было получено благодаря естественным явлениям. Например, если бросить немного уксуса в винную бочку, то вскоре все это количество превратится в уксус. Точно так же небольшое количество сычужного фермента может превратить много галлонов молока в сыр; кусок дрожжей, замешанный на свежем тесте, скоро превратит все тесто в дрожжи. И по этой аналогии, если часть **Философского камня бросить** в ртуть, он может сгустить ртуть в сто или тысячу раз больше своего веса в золото.

В любом случае, зачем ему трансмутировать, они так и не договорились. И даже **Бойль** сказал, что если мы не знаем, почему что-то ферментируется, это не значит, что нет пивоваров.

Время также помогло поверить в уникальность материи и в то, что все может быть преобразовано. Если в природе это все-таки происходило медленно, то почему бы не использовать «катализатор»?

Но если нужно было больше, то в XVII веке появились летописи, свидетельства людей, имевших в своем владении **Камень**. И это были признанные личности, на авторитет которых опирались доказательства существования **Философского Камня**.

«Истории нескольких металлических трансмутаций» голландца **Эвальда Ван Хогеланде** были опубликованы в 1604 году, что сделало более чем реальной возможность появления хризопеи в Германии. Это были рассказы анонимных адептов, которые в частном порядке обучали проецированию металлов скептиков или интересующихся герметическим искусством.

И хотя некоторые истории совершенно забавны, другие нет и содержат даты, места, вес материи и т. д.

Позже пришли новости о трансмутациях, всегда с неизменно красным порошком, который их производил, что привлекло даже математика **Вильгельма Лейбница** (1646-1716). На этих демонстрациях некоторые алхимики оказались в заключении, чтобы украсть секрет, в котором они не могли или не хотели признаться. Так обстоит дело и с **Боттгером**, который оказался запертым и не смог объяснить свою «трансмутацию». И он должен помочь раскрыть секрет изготовления фарфора, который будет столь же прибыльным, как золото.

Конечно, сюда **добавляются свидетельства Фридриха Гельвеция** и Ван Гельмонта, которые из скептиков

стали верующими в существование вещества, способного трансмутировать металлы, потому что оно было у них в руках, предложенное анонимным персонажем.

У нас также есть рассказы, составленные **Робертом Бойлем**, о существовании **Философского камня** и его необычайной силе. Но самый выдающийся из рассказов, составленных Бойлем, — его собственный, потому что он сам был свидетелем этого явления: **Бойль, отец химии**, рассказывает, что его познакомили с человеком, который предложил научить его эксперименту, который превращал бы свинец в металлическое соединение. жидкость, похожая на ртуть.

Бойль послал своего слугу за свинцом и тиглями для этого эксперимента. Когда тигель был случайно потерян, мужчина предложил показать ему еще один незапланированный эксперимент, который, по мнению **Бойля**, будет похож на то, что он обещал. И в его рассказе говорится:

«Свинец сильно расплавился, путешественник развернул небольшой сложенный листок бумаги, в котором, казалось, было несколько крупинок, но немного, порошка, который казался несколько прозрачным, почти как маленькие рубины, и был очень мелким, красным и красивым. . Он взял достаточно, небрежно и не взвешивая, на острие ножа столько, сколько, как я полагал, было гран или два, а затем, предложив мне нож, сказал мне, не хочу ли я сбросить порошок. собственной рукой.

Но **Бойль**, который был болезненным и не хотел прикасаться к этому делу, отказался от этой просьбы, и этот человек бросил его в тигель с жидким металлом. Он нагревал его в течение 15 минут, а затем дал ему остыть. Наконец, когда он открыл ее, там был золотой материал, который **Бойль** с удивлением признал золотом.

При этом, с несколько испуганным взглядом переведя мои глаза в лицо путешественника, он улыбнулся и сказал мне, что, по его мнению, достаточно понял, какого рода эксперимент я только что задумал для него.

Бойль взял кусок желтого металла: тесты показали, что это золото. Вскоре после этого **Эдмунд Дикинсон** (1624–1707), друг Бойля, также стал свидетелем превращения свинца в золото руками этого странного путешественника.

Дважды став свидетелем этих событий, **Бойль** уже не сомневался в способности и существовании материи, способной трансмутировать металлы. Настолько, что он свидетельствовал вместе с **Бернетом** в 1689 году в парламенте, так что закон короля **Генриха IV** запрещал трансмутацию. И силой его свидетельства закон был отменен.

Но даже при этом алхимия со временем теряла прежний престиж своего золотого века. В основном по нравственному вопросу: это ассоциировалось с ложными, ошибочными, низкими обманами.

Так, **Данте** в своей **«Божественной комедии»** помещает алхимиков в 7-й круг ада и в устах одного осуждает их за то, что они фальсифицировали металлы, выдавая их за золото. Это правда, что на Данте большое влияние оказала церковь, и особенно папская мистификация, осуждавшая алхимиков.

Другим, кто присоединился, был **Петрарка**, который критиковал хризопею и ее практикующих как бесплодную, бесполезную практику, единственным успешным продуктом которой являются « дым, пепел, пот, вздохи, слова, уловки и деградация».

Перед лицом такой критики, поднятой с пьедестала этих внушительных личностей того времени, алхимию стоило ограничить и положить в один мешок с колдовством, искусством гадания, астрологией и шарлатанством. Но уж тем более - в мешке с людьми низкой морали.

И все же для уважаемых химиков, которые сегодня применяют на практике старые алхимические концепции и трактаты, таких как **Лоуренс Принцип**, так быть не должно. И явно не для меня. Вот почему я так много лет изучаю эту тему и открываю то, что замалчивалось.

Лоуренс пытался применить опыт, изложенный в книге **Базилио Валентина «Триумфальная колесница сурьмы»**, особенно в производстве стекла. И он обнаружил, после неоднократных попыток следовать тексту монаха, что стекло невозможно сделать. Пока он не заметил деталь, деталь в рукописи: что сурьма должна быть из Венгрии, подчеркнул **Валентин**.

Отыскал в таком месте сурьму и еще раз сделал тест: получилось отлично. Когда он проанализировал обе сурьмы, то обнаружил, что в той, что из Венгрии, был определенный уровень кварца, то есть небольшая примесь в веществе. И это загрязнение сотворило чудо из сурьмяного стекла.

То же загрязнение, из-за которого образовалось **красноватое сурьмяное масло**. В действительности оно произошло не от сурьмы, а от железного прута, которым мешал **Базилио Валентин**, но в свое время, не умея глубоко анализировать вещи, предположил, что это красноватый щелок сурьмяного стекла.

Лоуренс Принцип, подробно анализируя каждую операцию, смог обнаружить, что на самом деле красноватый цвет исходил от железа, когда уксус наливали на стекло с сурьмой, где были частицы из-за перемешивания палочкой из такого материала (сурьма съедает все металлы, кроме золота)

Но для **Базилио Валентина** эта красноватая жидкость была маслом или настойкой сурьмяного стекла. А как еще он мог бы сомневаться в этом, если бы у него не было нынешних средств анализа веществ?

Помимо этого, ясно, что древние алхимики работали, сосредоточившись на цели и процессе, поддерживаемом философскими концепциями, а не смешивая и взвешивая, чтобы посмотреть, что произойдет.

Когда **Базилио Валентин** в своих 12 ключах испаряет обычное золото через воду двух чемпионов (**царская водка**, приготовленная из **хлорида аммония**), этот процесс чрезвычайно трудно осуществить сегодня в наших лабораториях, но гораздо труднее во времена **Валентина**, и тем не менее он выполнил его, потому что детали, которые он излагает в своей брошюре, согласуются с реальностью современного лабораторного опыта.

Теперь хризопея сформировала ключевой аспект в традиции химии, от ее происхождения в позднем классическом греко-римском Египте, как мы видели, до времени химика, известного как **Хомберг**, человека, который был мудрецом в свое время и сделал открытия. ... столь же важно, как открытие секрета фосфора (который, хотя и был известен, но никто не разглашал его подробно) и умение его изготовить, подготовить знаменитый **Болонский камень** и нанести его с силой солнца на вещества, изменяя их неизменное состояние.

Ему также удалось превратить 224 грамма серебра в 0,5 золота. Но это было ему невыгодно, а процедура была крайне сложной, поэтому, как и многие другие, он сосредоточился на получении материала, который поможет ему в этой работе, — знаменитого и мифического **Философского камня**.

Но эту историю мы увидим в другой записи.

Теперь химики семнадцатого века из всех интеллектуальных и социальных классов использовали множество путей для достижения металлической трансмутации. Самым распространенным и востребованным методом было получение, как я уже сказал, **Философского камня**. Субстанция, способная сообщать другим то, чего им не хватает, и превращать их в золото.

Но **г-н де Лувуа** приказал исследователям воздержаться от такой бесполезной для королевства задачи, он призвал их посвятить себя полезным делам для государства и короля, например, как улучшить порох, например сделать морскую воду пригодной для питья, или новые фармацевтические препараты вместо того, чтобы искать хризопею.

Так серьезные работники, которые были преданы этому проекту, ушли или скрылись, зашифровав свои записи или даже опубликовав свои выводы, из страха перед всеобщим позором и плохим мнением остальных, которые увидят в хризопее гнусное занятие, мошенничество, бесполезен во всех смыслах.

Таким образом, честный труд химиков был упразднен, а когда химия была формализована, она была окончательно отброшена, став химерой.